

Дарья
СЛОВНИК



ИЗМЕНА

Жена на подмену

Дарья Словник

Измена. Жена на подмену

<https://litres.ru/74345802>

Аннотация

— Так, дорогая моя, давай все обсудим как взрослые люди. Ты уже должна была отойти за столько времени, — Яр с решительностью смотрит на меня. — Обсудим? — я шурюсь. Нет, он точно решил поиздеваться надо мной. — Нечего здесь обсуждать. Уходи. — Ну, облажался я, не спорю. Но это не повод рушить наш брак! — Ты, кажется, забыл, что я не настоящая твоя жена, так что и рушить ничего не придется. Оставь меня в покое. — О, нет, — Яр вцепляется в меня темным от злости взглядом и цедит яростно. — Это ты забыла, что наш брак не подразумевает развода. Так что не рыпайся, ты никуда от меня не денешься. От судьбы не убежишь, а от меня тем более. И выход у нас только один. Жить долго и счастливо! - ХЭ будет ОБЯЗАТЕЛЬНО. - Помните, здесь все не то, чем кажется. Или то? Хм... - Вотэтоповороты.Однотомник. Пишется в рамках литмоба "Красная нить судьбы"

Содержание

Глава 1: Сюрприз на годовщину.	4
Глава 2: Зря поверила ему.	14
Глава 3: Ее нужно найти.	25
Глава 4: Не ищи меня.	31
Глава 5: Как я в это впуталась?	36
Глава 6: Адская сделка.	45
Глава 7: Вы меня бросили!	53
Глава 8: Каково было ему?	60
Глава 9: Что еще за Степанида Войдас?	69
Глава 10: Первая встреча.	80
Глава 11: Нагловатая особа.	88
Глава 12: Неограниченный алмаз.	96
Глава 13: Что-то не так.	104
Глава 14: Новости от врача.	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Глава 1: Сюрприз на годовщину.

— Вот черт, уже год прошел, а я все никак понять не могу, что он в ней нашел... — высокий женский голос слегка жеманно растягивает гласные.

— Да ясно что, бабки ее папаши. Ты же ее видела. Яр ни за что бы на нее не повелся. Она, конечно, ничего такая на личико, смазливенькая... — второй голос ниже и со снисхождением отвечает первому.

— Отчасти.

— Ага, отчасти. ...Но у меня такое чувство, что она больная какая-то.

— Все равно не понимаю. Ну, ладно, брак договорной, но они же вроде ведут себя как пара... Что он в ней нашел? Что она такого умеет?

Я закатываю глаза и с излишней громкостью открываю задвижку туалетной кабинки. Выхожу, хлопнув дверцей. За бедром прячу руку, сжатую в кулак.

Две девушки вздрагивают от резкого звука и моего не менее резкого появления. Они испуганно разворачиваются, вылупляются на меня как мыши на удава.

В их руках трясется тушь.

— Она может в позе лотоса отсосать ему, играя на банджо, — смотрю на них исподлобья. Я никогда не отличалась особым терпением. Особенно когда меня оскорбляют. Наобо-

рот, догоню и еще нападдам за это. А после того как я увидела очередной отрицательный тест на беременность, мое настроение стремительной кометой понеслось на дно... — Думаете, можете нести все что угодно, потому что на вашем лице есть дырка, именуемая ртом?

Я поднимаю другую руку, сжатую в кулак.

— Вам все равно с ним ничего не светит. Пошли вон, а то загрызу.

— Чокнутая!

Они ретируются быстрее, чем я успеваю моргнуть.

Богатые су... К ним я так и не привыкла.

Я остаюсь в туалете одна и снова смотрю на тест на беременность в руке. Одна красная полоска насмешливо кричит мне об отрицательном результате. Мне даже мерещится, что она издевательски изгибается в улыбку.

Ощущаю, как дыхание перехватывает на миг, а сердце предательски сжимается, колотится о ребра взволнованной пташкой.

Разочарование накатывает плотной волной и давит на голову.

Сколько можно?

Почему не получается? Ведь тогда же получилось! Легко и просто... Мы даже не старались. А сейчас, почему нет?

Надо сходить к врачу еще раз.

Я же все могу, значит, и порог больницы смогу переступить.

Снова...

Я ведь реально тогда поверила, что все наладится, что моя незапланированная беременность — это хороший знак. Так жестоко я давно не ошибалась.

Выкидыш меня спустил с небес на землю. Очень жестоко. Я прямо грохнулась стремительной звездой, ага. Я обычно с юмором встречаю всякие неурядицы. Но произошедшая ситуация знатно так меня заставила призадуматься.

Прикрываю глаза.

Ну, зачем я согласилась на этот цирк?

Ответ очевиден. У меня не было выбора. Тогда, год назад, это все казалось единственным выходом. Билетом в лучшую жизнь, как выразился мой отец.

Спасением моей семьи.

Трудно спорить, ведь деньги мне действительно помогли справиться с проблемами.

Только ожидаемого облегчения я так и не могу почувствовать. Наоборот, меня продолжает поглощать чувство, будто я тону. Будто затягивает в болото.

Ладно...

Я в порядке.

Я в порядке.

Я в порядке.

Хватит себя жалеть. Все замечательно. О такой жизни многие только мечтать могут. А у тебя она есть. Пусть и ненадолго, но есть же.

Вдох, выдох. Надо идти.

Я с силой сжимаю пластиковый тест в руке, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Швыряю несчастный пластик в мусорное ведро, поправляю белую шелковую рубашку, заправленную в серые брюки-палаццо.

Смотрю на свое отражение. На лице ни следа эмоций. Только холодная маска, за которой я научилась маскировать бурю. Как учила Анна Валерьяновна...

Я покидаю туалет и возвращаюсь в зал. Звуки музыки, приглушенный гомон голосов, смех — все это обволакивает меня со всех сторон душным коконом. Глаза привыкают к полумраку, и только вспышки фотоаппаратов продолжают раздражать.

Сегодня юбилей компании семейства Гросс и наша с Яром годовщина. Ровно год, как мы поженились как раз в знаменательную для компании дату. Отец Яра посчитал, что это будет символично.

Да уж...

Как по мне, бредятина какая-то.

Теперь наша свадьба ассоциируется у людей с таблетками, потому что компания Гросс — это фармакологическая компания. Медика-Гросс. И вместо того, чтобы отпраздновать вдвоем с Яром в каком-нибудь ресторанчике, мы вынуждены тусоваться здесь.

Минус богатой жизни. Выбор делают за тебя.

Хотя в бедной жизни у меня тоже выбор не особо-то и

был...

М-да...

Я хватаю бокал с местной дорогой «водичкой», но сдерживаюсь и не пью. Так, чисто руки занять.

Яр сидит за нашим столиком, но я иду не к нему, а на сцену. Сейчас мой выход. Мне нужно толкнуть эту дурацкую речь, в которой сначала похвалить компанию, а потом уже поздравить мужа.

Еще одна очередная порция бреда.

Мне это сам Яр сказал сделать. Я не удивилась, когда услышала это. Он всегда на первое место ставил работу... А потом уже все остальное. Я там далеко не на первом месте.

Но не мне жаловаться...

Мне повезло уже с тем, что в этом договорном браке я умудрилась влюбиться в своего навязанного мужа. Что еще я могла ждать?

Я вступаю на небольшую сцену под свет софитов, ловлю на своей коже тепло, излучаемое ими. А еще ловлю на себе тяжелый, холодный взгляд Ярослава.

Я влюбилась в этот опасный, жестокий, равнодушный кусок де... Эм... Я хотела сказать мужчину... Да, точно...

Прекрасного, умного, образованного и сильного мужчину.

Ага.

Так лучше.

Напоминай себе почаще.

Я влюбилась в него, но понимаю, что мне ничего толкового не светит, поэтому я заталкиваю свою любовь подальше.

Беру микрофон, чувствуя непривычный холодок металла. Я тяну широкую улыбку, надеясь, что она выглядит искренней.

Чуть позади меня зажигается экран, на котором вспыхивают наши совместные фотки за этот год. Конечно, фотки сделаны профессиональным фотографом.

Кто бы мне позволил выложить селфи, где я кривляюсь... Да их и не видел никто, кроме меня. Даже Яр.

Он не любитель фоток в принципе.

— Дорогие друзья, коллеги, партнеры, — я мягко начинаю, по памяти зачитывая речь, которую мне прописали. — Сегодня для медика-Гросс знаменательный день, но вначале я хочу сказать несколько слов своему любимому мужу, — я нагло поднимаю бокал в сторону Ярослава.

Не хочу я поздравлять сначала компанию, а потом нас. Обойдутся.

Я ловлю взгляд Яра и понимаю, что он злится. Он по-особенному прищуривает глаза, когда переходит в состояние злости.

Улыбаюсь еще шире. Мне нравится вредничать.

— Сегодня наша первая годовщина, и я хочу сказать спасибо...

Я сбиваюсь, потому что слышу странные охи и ахи. Удивленные вздохи пролетают по залу, словно испуганные птицы.

Ничего не понимаю, оглядываюсь, торможу, сбиваюсь.

Люди в первом ряду — партнеры и коллеги — смотрят не на меня, а на экран. Я замечаю, как женщины прикрывают рот от удивления. Кто-то давит в себе шокированный смех.

Да что такое?

Оборачиваюсь.

И...

Застываю.

Мир вокруг меня исчезает.

— Э...

На огромном экране во всю стену сменяются фотографии обнаженного Ярослава с какой-то незнакомой мне красивой девушкой. Брюнеткой, как и я...

Но это совершенно точно не я.

Ладно бы, если б это наши постельные фотки были, еще куда ни шло. Ну, опозорились бы. Посмеялись, извинились и дальше пошли. Я бы с юмором отнеслась к ситуации подобного плана. Как-то раз нас уже взломали и отфотошопили наши совместные снимки в соцстраничках компании. Яру приделали клоунский нос, а мне балетную пачку.

НО...

Но на этих фотографиях совершенно точно не я!

Бокал выскальзывает из моих резко вспотевших пальцев. Звон разбитого стекла выводит меня в реальность, но я все равно не могу оторвать взгляда от этих обнаженных тел на экране.

Кто это?! Что за левую девку мой муж так страстно сжимает в объятиях?!

Я смотрю в немом обалдении, как фотографии сменяются одна за другой, а затем на экране включается видео.

Зал заполняется страстными звуками, и я резко выхожу из ступора. Разворачиваюсь, вцепляясь в стойку микрофона. Нахожу взглядом Ярослава в бурно гудящем зале.

Он один, кажется, как сидел, так и сидит. Смотрит только на меня. Мы встречаемся взглядами, и я не вижу в его глазах ни смущения, ни паники.

А, то есть все нормально, да, дорогой? Все идет по плану, так, что ли?

На нем только маска холодного безразличия с его фирменным ледяным взглядом. Только, я уже успела его достаточно узнать, чтобы понять, что он невероятно зол. И его злость направлена на меня!

А я-то здесь при чем?!

Это не я!

Я моргаю и понимаю, то меня начинают топить захлестнувшие эмоции.

Страх, стыд и... Боль, как ни странно...

А я то думала, что я тот еще человек-сухарик...

А поди ж ты... Ничего подобного.

Все смешивается в один отвратительный, ядовитый коктейль, что стремительно отравляет каждую мою клеточку. Дышать становится невыносимо тяжело. Воздух словно вы-

качали из легких.

Я не думаю.

Пока организаторы суетятся у экрана, пытаюсь его вырубить, я срываюсь со сцены прочь, чувствуя, как ноги сами несут меня сквозь толпу, которая расступается передо мной, как море перед Моисеем.

Я подлетаю к Яру, хватаю со стола бокал и разбиваю его о столешницу. Люди вокруг ахают, когда видят, как я наставляю острую ножку на своего мужа.

У меня руки трясутся, внутри все горит, я хочу сделать что-то очень плохое. Хочу переломать полмира!

Но, конечно, бравирую... я отшвыриваю разбитый бокал, залепляю Яру обычную пощечину, вложив в нее всю свою силу, какую только могла, и срываюсь прочь.

— Алина, стой, — слышу его непреклонный повелительный тон, но, конечно, не слушаю. Как обычно.

Все, хватит с меня.

Мне нужно сваливать отсюда как можно скорее. Это уже перебор.

Я поверить не могу, что Яр так быстро променял меня на какую-то похожую девушку! А ведь он мне говорил, что у него только я и все! Что ему больше никто не нужен!

Лжец!

Хотя...

Кто бы говорил...

Боже... Я так больше не могу. Хватит.

Я не знаю, кто это сделал и зачем, но с меня хватит. Я здесь и так задержалась. Пора уходить!

Ягодки мои!

Приветствую вас в моей новой истории)

Эта книга стартовала в рамках литмоба "Красная нить судьбы".

Если вам книга вас заинтересовала, поддержите ее, добавив в библиотеку и поставив звездочку. Вам не сложно, мне приятно, а книге безумно помогает в ее старте и дальнейшем продвижении. Спасибо!

Обняла, приподняла:*

Увидимся на страницах истории ♥#

Глава 2: Зря поверила ему.

Холодный воздух не может забраться под полы дубленки, но зато с легкостью проникает под тонкую ткань брюк, скользит в рукава. Он ласкает меня, как Яр ласкал ту незнакомую мне девуку.

В сущности уже не важно, кто она такая. Я ее найду попозже, еще скажу пару ласковых. Напоследок, так сказать.

А вот нечего с женатыми мужиками шашни крутить!

С Яром видеться не хочу. Поэтому спешу «домой» изо всех сил.

Тороплю таксиста, накидываю ему сверху за нарушение правил.

Черт...

Черт!

Я ведь попалась на эту удочку! Дура!

Доверчивая дура...

Поверила в сказочку.

Поверила, что такая, как я, может рассчитывать на участь Золушки.

Наивная дура...

Господи, меня ничто не исправит. Вроде наученная уже, а все равно каждый раз надеюсь, что меня кто-то действительно полюбит всей душой... Таковую, какая я есть.

Я знаю, что я не идеальная. Ооо, далеко не идеальная! На-

верно даже сказать проблемная... Характер у меня тот еще. Ну, так простите, не мы такие, жизнь такая!

Именно жизненные обстоятельства превратили меня из маленькой плаксивой девочки во взрослую злую девушку. Слишком рано превратили...

И обычно я парням не верю.

А тут...

Поверила.

Я поверила ему!

Дура!

Будет мне урок.

Очередной, блин.

Сколько еще этих уроков мне будет преподано, прежде чем я пойму, что доверять людям нельзя?

Ведь знаю это, но все равно каждый раз на одни и те же грабли. Наивная маленькая дурочка...

Сколько бы ни храбрилась, а все равно наивная в глубине души. Как же это из себя вытравить окончательно?

Как стать такой же хладнокровной, равнодушной сукой, как Яр?!

Ну, не спать же с левыми мужиками, как Яр с левыми девчонками, честное слово. Это просто край! Я не ангел, конечно, но не могу опуститься до такого. Я этого просто не вынесу. Это ниже моего достоинства.

Добравшись до элитного коттеджного поселка, я почти на автопилоте несусь в дом. Экономка встречает меня с улыб-

кой, но впервые я ей не отвечаю взаимностью.

Даже почти игнорирую.

Только киваю и несусь наверх.

Этот роскошный во всех смыслах дом всегда казался мне чужим. Он не стал мне домом, хоть я его таковым и называла. Нет, это огромная, надменная клеть... Живая и хищная, в которой нельзя расслабиться ни на день.

Я вот расслабилась. И что?

На фотках Яр спал с этой девкой на диване нашей гостиной. То есть она была здесь!

Капец какой...

Сплошная ложь. Кругом!

Каждый предмет, каждый уголок, каждая чертова картина, выбранная с щепетильностью Анны Валерьевны, кричали о том, что этот дом не мой. Никогда не был и не будет.

Я ненавижу этот шикарный кожаный компьютерный стул. Я ненавижу этот стол с зеленым сукном. Перила, картины, обои, дорогуший паркет елочкой. Все ненавижу.

Ненавижу эту кровать... Теперь ненавижу.

Раньше мне она нравилась, ведь в ней я находила покой в объятиях Яра...

Вот засранец!

Одни сплошные иллюзии и вранье.

Да, я тоже хороша, но я не изменяла ему. Я полюбила, черт возьми, и была верной!

Это одно из немногих положительных качеств во мне, ко-

торые я сама осознаю и горжусь им.

Я — верная. Преданная...

Ага... Вот меня и предали. Преданную.

Пройдя в спальню, я дрожащими руками достаю старый рюкзак, с которым приехала в эту «новую» жизнь год назад. Я не собираюсь забирать все. У меня нет на это времени, да и желания тоже.

Все, что здесь есть, принадлежит семейству Гросс.

Та сказка, которую мне подарили, рассыпалась в прах. Я ничего здесь не имею своего.

Все врёменное.

Такой был договор.

Я в спешке собираю рюкзак. Хватаю самое необходимое: пара сменной одежды, щетка, документы, наличность, которую я насобираала за год. Раньше я посчитала бы эту сумму космической, а сейчас... Понимаю, что это копейки. Этого нам хватит максимум на года два спокойно жизни без работы.

Надо будет что-то придумать...

Я отправляла своей семье деньги, но все же и себе откладывала кое-что с тех денег, что Ярослав давал на «карманные» расходы, да и отец тоже.

Я понимаю, что остаюсь ни с чем. Моя новая жизнь, на которую я осмелилась надеяться, махнула передо мной хвостом, подразнила меня и ускользнула...

Но даже это меня не так расстраивает... Деньги — дело

наживное. Плевать на них.

Меня рвет изнутри другая боль.

Боль потери, предательства и одиночества.

В этом мире столько людей, а я одна! У меня семья огромная! Из шестерых человек, а я ношу тяжесть этого мира на своих плечах в одиночку. Я так надеялась, что Яр разделит со мной эту тяжесть...

Ага.

Размечталась.

Возвращайся туда, где тебе самое место.

Выскочив из дома, я снова сажусь в такси, и оно отвозит меня на вокзал. Беру билет на автобус до родного Вербино.

По дороге телефон разрывается от звонков.

Отец. Он пытается до меня дозвониться, но я не беру трубку. Сначала было не до него. А сейчас, когда я уже села в автобус, просто не хочу с ним говорить. Я знаю, что он скажет...

Мне же нужно привести мысли в порядок. Меня сейчас рвет на куски, словно в дробилке. Я должна как-то справиться с этим...

Жизнь-то продолжается. У меня есть куча дел, которые за меня никто не сделает. Куча обязательств, которые с меня никто не снимет...

Через пару часов автобус выплевывает меня на потрепанную остановку. Ржавую, покрашенную раз на сто синей краской, но такую знакомую...

Залитые светом рекламных щитов, неоновыми вывесками улицы Москвы сменились тихим полумраком, лишь изредка нарушаемым тусклым светом фонарей. Каждый закоулок, каждый обшарпанный дом здесь был частью моей жизни.

Моей настоящей жизни...

Наш дом — маленький, двухэтажный, с потрескавшейся штукатуркой и вечно скрипучей калиткой, выглядел так же, как и год назад. Как и десять. Как всегда, короче.

Как будто время здесь застыло.

А вот внутри шумит жизнь.

— Ну, Никита! Да чтоб тебя! Отдай! — я слышу гневный, но до боли родной голос моей младшей сестренки Лики. Следом топот, а потом и звук чего-то с грохотом упавшего.

Подозреваю, это как раз был Ник... О, черт. Это было больно.

— Бешеная!

Я нахожу ключ от двери сверху за дверным косяком на привычном месте. Кто бы сомневался.

Открываю и с глубоким вдохом захожу, погружаясь в родной запах пережаренных котлет, герани, псины и сигарет. А еще печеных яблок...

На кухне Боря с сигаретой в зубах как раз стоит у плиты и жарит те самые котлеты. Прямо напротив меня у основания лестницы на второй этаж клубком валяются двойняшки Лика и Ник. Опять что-то не поделили.

Классика.

Вокруг них с громким тьяканьем носится Достоевский - маленький белый терьер. Ну, я так думаю... Он похож на терьера, по крайней мере. Его как раз однажды притащили двойняшки. Дулю кто-то выкинул, а они нашли на помойке, пожалели и притащили к нам.

У нас вся такая семья...

Собранная из выброшенных на берег жизни людей и нелюдей. Один вон как раз валяется у телека на полу в полном невминозе. Бутылка стоит прямо у головы. Хоть бы убрали подальше от Андрея!

Господи... Ладно уж отец... На него никто не обращает внимания уже давно.

Но перед орущим телеком недалеко от отца сидит Андрейка и смотрит рекламу. Живой, здоровый, розовощекий. Я невольно улыбаюсь, увидев его.

Остальных не видно. Наверно, гуляют.

Вот этот хаос и есть мой дом. Настоящий. Неидеальный. Сумбурный.

Увидев меня, входящую в дом, Лика и Ник замерли. В относительной тишине я услышала донельзя удивленный вздох Лики, а следом трехэтажный мат Никиты.

Боря оборачивается.

Все замирают на несколько долгих секунд.

— Да, вам не кажется, это я. Можно не встречать...

— Ты вернулась! А-а-а! — с радостным писком Лина пу-

лей выстреливает в мою сторону и чуть не сшибает меня с ног, заодно «случайно» и так удачно запнувшись за бок Никиты.

— Хавать будешь? — Боря флегматично стряхивает пепел от сигареты.

— Буду. Только без добавки в виде пепла. Какого черта, Борь, мы же договаривались. В доме не курить! Потуши.

— Ща, — он отворачивается, встряхнув короткой кудрявой челкой и сигаретой. Пепел, конечно, падает на пол.

— Сейчас же!

— Ну, началось... — слышу его ровный вздох. — Все. Потушил.

— Надеюсь, не о мою котлету.

— Надейся.

Я закатываю глаза и закрываю, наконец, дверь. Лица не хочет от меня отлипнуть.

— А я думала, тебя там уже сожрали эти богатенькие аборигены. Ля, какая ты красивая!

Я все-таки отцепляю от себя Лику, обнимаю Ника, Борю и Андрюшку. Вдыхаю их аромат, слушаю рассказы, впитываю их лица. Давно не виделись, они уже успели чуточку измениться и повзрослеть.

Когда все немного успокоились, я таки умудряюсь уединиться в туалете и достаю телефон.

На экране, конечно, светятся уведомления о пропущенных.

И от отца... и от Анны Валерьяновны. И от Яра...

Пропущенные от Яра больше всего режут душу.

Зачем он звонил? И так все ясно...

Что он хотел сказать? «Это не то чем кажется?» «Ты не так все поняла?»

Что «не так» там можно понять?

Все кристально ясно...

Он обещал одно, а сотворил прямо противоположное...

Видеть его не могу...

Хочу... Но не могу.

Ни видеть, ни слышать.

Я делаю глубокий вдох, чувствуя в воздухе запах чугуновой ванны. Я пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце.

Мне плохо, да.

Морально настолько тяжело, что, кажется, физическая боль была бы спасением. Но я, конечно, таким заниматься не буду.

Я не в той степени отчаянья.

Боль есть, злость заставляет кровь в жилах кипеть, в груди огнем горит стыд, но есть во мне что-то еще...

Холодное, острое как нож...

Оно-то и заставляет меня нажать на кнопку вызова. Посмотрим, что он мне скажет.

— Ну, наконец-то! — отец берет трубку очень даже быстро. — Бляха-муха, доча, — меня коробит от этого «доча». Трудно это слышать от того, кто двадцать пять лет забивал

на тебя. — Ну, и чего ты творишь?

— Это не я.

— А кто? Я, что ли? Ну, сходил он налево разочек, ну подумаешь... Тебе то что? Какая разница? Это ничего не меняет. Ты же все портишь. Куда ломанулась-то? Где ты?

Я тяжело дышу, слыша эти слова...

«Ты все портишь»...

Нечасто я это слышала, но каждый раз как топором по хребту... Выбивает из равновесия.

— Я так больше не могу. Хватит с меня, — жестко отрезаю, чувствуя, как слова вырываются из меня, словно долго сдерживаемый гейзер.

В трубке повисает тишина. Я знаю, что он просчитывает варианты. Он слишком расчетлив.

— Не дури. Возвращайся. Потерпи еще немного и тогда сможешь уехать, — он тоже не нежничает. Выталкивает слова, словно злобный пес.

— Нет, не могу. Не хочу.

— Бляха-муха, да мало ли чего ты не хочешь. Надо!

— Кому надо?! Мне, по-твоему?! Вот еще! Это тебе надо!

— Тебе тоже! Если не забыла, я тебе за это плачу, вообще-то!

Я вспыхиваю тут же, чувствуя, как меня топят жар стыда и позора.

Черт, черт, черт!

Так и знала, что этим кончится! Когда идешь против себя,

обязательно окажешься в заднице.

— Я целый год была образцовой женой и...

— И еще побудешь!

— Нет!

— Окей, тогда и денег больше не увидишь.

Я кусаю губы, лихорадочно мотаясь по нашей маленькой ванной.

— Ты мне обещал, вообще-то, что заплатишь в конце. Это конец.

— Это не тебе решать.

— Эй, так нечестно!

— Либо возвращаешься, либо хрен тебе, а не деньги.

Я грызу свой вечерний маникюр, застывая напротив зеркала. Смотрю в свое отражение и понимаю, что уже все решила...

У меня только один вопрос в голове крутится. Ну, зачем я во все это полезла?! Ну, зачем?

Глава 3: Ее нужно найти.

Ярослав

Я смотрю на ночной город под моими ногами, ощущая, как мышцы дергаются от желания что-нибудь сломать.

Ситуация вышла из-под контроля, а я даже не заметил этого.

Черт, это ж надо было так опозориться...

Сначала я подумал, что это Алина решила так взбрыкнуть. Вполне в ее духе вытворить нечто подобное, но ее реакция говорила об обратном. Эти фотографии для нее стали таким же сюрпризом, как и для меня.

Да и тем более, как бы она их сделала?

Хотя... Может, и она. Она же изначально не хотела за меня замуж. Может, подготовилась так...

Тогда, если она сразу подготовила компромат на всякий случай, все дальнейшие ее действия получаются какой-то бессмыслицей.

Если она знала о той девчонке, то получается, я не знал свою жену? Потому что тогда, получается, она отличная актриса и прекрасно претворялась.

Но ведь притворство не про нее?

Ничего не понимаю...

Дверь распаивается, и ко мне в этот безликий офис вры-

вается отец. Его лицо багровое от гнева, на виске вздулась вена.

Я спокойно встречаю его ядерный взгляд.

За ним следом заходит мать и Олег. Брат широко улыбается, я вижу в его глазах одобрение.

Но мне оно не нужно.

— Ну, ты даешь, братан!

— Что это вообще за шлюха с фотографий?! — гремит отец своим басистым голосом.

Его слова эхом разносятся по офису, который, кажется, маловат для такого скандала.

Я молчу, засунув руки в рукава.

А что тут скажешь?

Ну, шлюха.

Ну, переспал. Я что, по его мнению, железный, что ли?

Да и смысл оправдываться, когда дерьмо уже случилось? Случилось и случилось. Всплыло, точнее.

Теперь надо думать, как из этого выгребать.

Я не собираюсь отчитываться перед отцом в этом вопросе. Я и так слишком часто отчитываюсь перед ним по работе. Уж с кем мне спать, не его ума дело.

Все, что произошло, моя проблема, а не предмет его осуждений.

— Дорогой, ну что ты... Тише, тебе нельзя волноваться.

— Я уже волнуюсь, Аня! Как тут не волноваться, когда старший сын, на которого возлагал самые большие надежды,

о... Об... Опростоволосился! Опозорил нашу семью. Ты видела, сколько там журналистов было? Да мы завтра потонем в заголовках статей!

— Да, милый, понимаю, — мать ласково гладит отца по плечу, а сама спокойная, как камень.

Она всегда была самой спокойной из нас и якорем для отца. Ее присутствие всегда сдерживало его ярость. Вот и сейчас отец вдохнул, выдохнул и принялся молча мерить шагами кабинет, сверкая на меня глазами.

А мама смотрит на меня и вытаскивает из клатча пачку сигарет.

— Откуда вообще эти фотографии, выяснили? — спрашивает она, закуривая тонкую сигарету прямо здесь. Я морщусь.

— Мам, перестань.

Она мягко мне улыбается и подмигивает, усаживаясь прямо на чей-то рабочий стол. Стряхивает пепел в чужую кружку. Не слушает...

В общем-то, мать никогда никого не слушала. Ну, почти. Она подчинялась только моему отцу. Да и то не всегда... Просто за годы брака как-то они нашли подход к друг другу...

Вот же удивительно.

Алина тоже не слушала меня. Жила, словно дикая пума. Может, так это и работает? Женщины выбирают мужей по образу отцов, а мужчины по образу матерей?

Если так, то я в заднице.

— Не, выясняем еще. Просто кто-то подменил презентацию. Там Алинка что-то подготовила свое, но вместо ее файла был запущен новый. С пикантными фотками, — поясняет Олег, оседлывая чужой стул.

— Кстати, об Алине. Где жена-то твоя? — продолжает допрос отец уже более спокойным голосом.

— Не знаю. Свалила. Михаил поехал ее искать. Мам, прошу, потуши сигарету, пока не сработала сигналка.

Но мама игнорирует мою просьбу. Она склоняет голову набок, щурясь от дыма.

— Почему не ты? Ты же ее муж.

— Потому что она хотела меня прирезать. Пусть остынет. Потом поговорим.

— Пф-ф, — отец фыркает, останавливаясь рядом с мамой. Вынимает у нее сигарету изо рта и тушит в кружке. — Но не прирезала же. Ты бы видел, что твоя мать сделала мне, когда просто заподозрила в измене! Пф! Ты еще легко отделался. Так что ищи давай Алину. Она *твоя* жена. Ты за нее теперь ответственность несешь.

Я сжимаю руки в кулаки, пытаюсь сдержать кипящую внутри меня ярость. Опять сравнивает меня с собой...

Когда же это кончится...

— Как будто я ее выбирал. Если не забыл, это твой выбор, папа. Но да, я в курсе, что она моя жена. Запомнил уже. Сам разберусь.

— Вот именно. Правильно. Не можешь управлять семьей, не сможешь и бизнесом. Так что пока за тебя поработает Олег, а ты...

— В смысле? Я же сказал, что разберусь.

— Э... Пап, может, не надо... — Олег озадаченно откликается, но отец его игнорирует.

— Вот и разбирайся. Я тебе эту возможность даю. Найди Алину, разберись со своей женой, а потом посмотрим, сможешь ли ты снова занять место гендиректора, — отец кивает своим словам, тянет маму слезть со стола и подталкивает ее к выходу.

Она не выглядит удивленной, так что я понимаю, что они уже успели это обсудить...

Я остаюсь стоять на месте, сжимая зубы.

Родители уходят, а мы с Олегом остаемся.

— Просто замечательно, — зажмуриваюсь и стискиваю переносицу в пальцах.

— Слушай, Яр, я не знал... Забей, правда. Да отец завтра уже передумает. Ты же меня знаешь... Ну, ты посмотри на меня, какой из меня гендир? — Олег шлепает себя по груди фыркая.

Я смотрю на него хмуро, недовольно.

Растрепанные волосы, помада на шее, чья-то розовая, рубашка застегнута не на все пуговицы. Пока мы отдувались на этом ежегодном собрании, Олег с кем-то развлекался.

Сомневаюсь, что он вообще видел самый «пик» нашего

шоу.

Так что я прекрасно понимаю, почему Олег до сих пор не был ни разу на этой должности. Отец не просто так не ставил его руководителем компании.

А тут отец решил меня так проучить? Он Олега вообще видел?

И он хочет поменять нас местами?

Да, уж...

Просто лучшее решение для нашей компании.

И вечер сегодня тоже просто «лучший»...

Но этого все равно недостаточно, чтобы вывести меня из себя. У меня есть проблема, и ее просто надо решить. Отец снял меня с поста гендира? Я туда вернусь, не успеет он сказать слово «фармакология».

Я достаю телефон из кармана и набираю своего верного секретаря.

— Да, Ярослав Владимирович?

— Илья, пробей, пожалуйста, номер Алины. Нужно найти эту сумасшедшую. Срочно.

"Эта сумасшедшая"

Глава 4: Не ищи меня.

Ярослав

— Илья, пробей, пожалуйста, номер Алины. Нужно найти эту сумасшедшую. Срочно.

— Хорошо, Ярослав Владимирович. Будет сделано.

— Спасибо. Жду тебя у себя в кабинете.

Я отключаюсь и ухожу, наконец, из этого чужого офиса, что приютил мою холодную ярость и стал свидетелем семейных разборок.

Надо продумать стратегию поведения и...

Стоп.

Я даже замираю среди пустого коридора, как громом пораженный.

Мне не нужно готовить никакой стратегии поведения. И речи тоже.

Не я же теперь директор. А Олег.

Улыбка сама по себе расплзается на моем лице.

Мне. Не. Нужно. Никак. Реагировать.

Я могу полностью посвятить себя своей дражайшей жене и разобраться, наконец, с ней. Ведь раньше у меня на нее практически не было времени. А теперь...

О-о-о... Теперь у меня оно появилось. Спасибо отцу.

Черт. Да у меня же внеплановый отпуск, считай!

Я последний раз нормально отдыхал наверно лет пять назад, на свое тридцатилетие...

А дальше только и делал, что работал. А отец еще удивлялся, что я холостой. Да когда мне отношения строить, когда у меня каждый день посвящен компании и благополучию счетов Гросс?

Но теперь у меня есть возможность посвятить это время себе и своей благоверной!

Я чувствую такое воодушевление, что, кажется, будто меня сейчас поднимет над землей и унесет в космос. Поэтому я звоню Илье и отменяю последний приказ. Говорю ему, чтоб ехал в ближайший бар. Теперь не обязательно официоз разводить.

Еду туда сам, чувствуя, как впервые за долгое время, с меня приподняли ношу весом с гору. Не то чтобы мне не нравилось руководить компанией, но это была отцовская компания, и я ей руководил по воле долга перед семьей, как наследник, как старший сын, на которого отец «возлагал большие надежды», а не по своей воле.

Меня же самого он никогда не спрашивал — хочу я или не хочу это делать.

И Алина была единственная, кто спросила меня однажды: «А сам ты хочешь там работать? Если не хочешь, не работай. Ты же можешь себе это позволить»

Я помню, как впал в ступор тогда. Потому что я совершенно точно не хотел, я это понимал, но продолжал делать

из чувства долга. А она заметила это...

Единственная заметила.

Я паркуюсь, задумчиво перекладывая мысли в голове то так, то эдак. Ладно. Я ей объясню свой косяк и верну домой.

Женщина моя? Моя. Будет она еще сваливать от меня на людях.

Кто еще тут оскорбленный. Это моя голая задница была засвечена на несколько сотен человек. А завтра вообще станет достоянием тысяч. Но я же не ною.

Вообще, это меня сделали крайним. А прощения просить, как всегда, именно мне...

Подумаешь, с бабой покувыркался. Когда это было?

Вылезаю из машины, иду в бар, сажусь за стойку, влезаю в свои мысли, пытаюсь себя как-то реабилитировать в своих глазах и толком не могу.

А что тут исправишь?

Накосячил, да. Точнее, это так выглядит. Кто-то ведь подсуетился. Узнать бы кто...

И узнаю. Пфф... тоже мне проблема. Я не я, если не расшибусь и не выясню это.

Пока я вливаю в себя дорогуший вискарь, перебираю в голове людей, которые могли бы точить на меня зуб. А еще мотивы такого поступка...

Кто, черт?

Кто этот черт?

Логичнее всего предположить, что это Олег. Самое оче-

видное событие. Меня сняли с должности, его назначили.

И это был бы самый простой и верный ответ, если б не одно «но».

Я знаю своего брата. И он сам никогда туда не стремился. Этот оболтус только и может, что облегчать семейный бюджет в клубах. Разбрасывается пачками денег на бухло, тачки и эскорт.

И если б он действительно хотел взять на себя ответственность, он бы этим уже занялся. Но он не тот, кто любит ответственность брать, он тот, кто ее обожает спихивать на других.

Так что нет... Олег — весьма очевидный вариант, и поэтому я его отмечаю именно как самый очевидный. Возможно, его хотят как раз подставить.

Кто еще?

Алина.

Да, она тоже весьма очевидный вариант. Злая жена решила отомстить мужу-изменщику и опозорила его...

Тем более что это в ее духе. Она же уже начала ту речь не так, как я ей сказал это сделать. Так что эту выходку с фотками можно было бы приписать ей, если б я не видел ее лица.

Перекошенное от боли.

Мне и самому тогда стало больно... Еще бы. Моя задница на всеобщем обозрении...

Я бы, может, и рассказал ей о той девчонке, но в личной

беседе, а не на презентации.

Так что нет... Это точно не Алина. Она бы тоже не стала выносить это на всеобщее обозрение. Я уже понял о ней то, что она не особо любит публичность...

Что странно. Мне Илья описывал ее как совершенно другого человека... Она сумела меня удивить.

— Вечер добрый, Ярослав Владимирович.

— С какой стороны посмотреть, Илья, — я хмыкаю, отпивая из бокала. — Удалось что-то отыскать?

— К сожалению, локация номера больше не пробивается. Симку, скорее всего, вытащила из телефона.

— Какая хитрая дама... — вздыхаю, невольно растянув улыбку. Не зря она мне понравилась. — Ладно. Ищи по старинке. Она должна была попасть на камеры. Я еще подключу тебе в помощь своих... — мой телефон звонит, и я отвлекаюсь. — Извини. Подожди-ка.

Какой-то неизвестный номер...

Так...

— Гросс. Слушаю.

— Дорогой, привет, — ее голос какой-то странный. Вроде Алина, а вроде и нет. — Прости, я не готова сейчас к разговору. Мне нужно время все это пережить, поэтому не ищи меня. Я скоро вернусь, и мы все обсудим.

"Дорогой"

Глава 5: Как я в это впуталась?

— Либо возвращаешься, либо хрен тебе, а не деньги, — голос Михаила режет меня без ножа.

Вот же шантажист чертов!

Тоже мне...

Нельзя шантажировать того, у кого ничего нет.

Точнее. У меня навалом того, что более ценно, чем бабки. Да, денег у меня немного.

Я живу на грани нищеты всю свою жизнь. Мне не привыкать. Выкручивалась раньше, выкручусь и сейчас.

Он думает, что держит меня на крючке, но...

Нет.

— Окей, — я коротко откликаюсь, даже не желая его послать куда подальше.

Просто сбрасываю звонок и выключаю телефон. Вынимаю симку, ломаю ее и смываю в унитаз. Сажусь на него сверху и застываю в позе Мыслителя памятником самой себе.

Как я в это впуталась?

Ха.

Очень даже просто.

Такого в моей жизни навалом.

Когда ты живешь в режиме постоянного решения проблем своей семьи, играя роль мамы, сестры, отца, медсестры, ремонтника, добытчика, учительницы, няньки, соседки,

подруги, доктора и прочих, вляпаться в какую-нибудь историю не составляет большого труда.

Я же всегда играла чьи-то роли, надевала маски.

Это моя работа так-то. Я аниматор (а еще официантка, уборщица, библиотекарь и бариста иногда, в основном по воскресеньям). Играть я умею, а без образования - это одна из немногих работ, доступная мне. С зарплатой более менее позволяющей сводить концы с концами.

Кручусь, как умею...

Я как-то отстраненно погружаюсь в воспоминания. С чего все началось?

Да с обычного декабрьского вечера, как сегодня. Только предложение о работе в этот раз отличалось.

— Наконец-то... — устало пробормотала, вываливаясь из душного помещения банкетного зала на пронизывающий декабрьский мороз.

Я устала, но все равно живенько перебирала ногами, потому что морозец кусал. В одной руке у меня было несколько пакетов сразу с реквизитом для детского праздника, в другой руке — голова...

Не моя, конечно. Медвежья.

Здоровая такая, поролоновая, воняющая изнутри кислым потом. Потому что после Артура она всегда так воняла. Он ее никак не стирал и не чистил.

Фу.

Меня передернуло...

Я почувствовала, как и сама вспотела внутри этого громоздкого костюма. Майка липла к спине.

Работа аниматором на чужом дне рождения, соединенным с тематикой Нового года... то еще испытание.

Я запихнула в маленькую оку белого цвета со ржавчиной на капоте голову медведя, пакеты и следом тяжело вздохнула. Потому что следом нужно теперь было запихнуть себя. Я вспомнила, как я упаковывала себя в эту консервную банку днем.

Но эта консервная банка моя родная, поэтому я ласково погладила ее холодную крышу и уже занесла ногу, чтобы всунуть ее в машину, как меня окликнул глубокий низкий голос.

— Наконец-то. Я думал, весь бензин сожгу, пока тебя дождусь.

Я вздрогнула, чуть не поскользнувшись, обернулась.

Со стороны серого седана ко мне подошел мужчина, смутно знакомый мне. Где я могла видеть его? Может, старый клиент?

Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть его. Он был высокий, широкоплечий, но сутуловатый и с небольшим пузиком, которое он умело замаскировал дорогим костюмом и теплым пальто.

Его орлиный нос и кудрявые темные волосы реально мне кого-то напоминали...

Он выкинул недокуренную сигарету и окинул меня оценивающим взглядом. Таким, как и все «денежные мешки», привыкшие получать все, что захотят. Только от этого веяло еще и чем-то опасным.

— Чего надо? — не совсем вежливо отозвалась я. Он ведь также начал, поэтому и я церемониться не собиралась.

Так-то я вежливая, если и ко мне вежливо.

Мужчина усмехнулся.

— Резвая какая. Ну-ка, поди сюда, поговорим.

— Здесь говорите. Я никуда не пойду. Мне еще один праздник отплясать надо. Давайте быстрее. Хотите заказать аниматора?

— Можно и так сказать.

— Я могу вам дать визитку агентства, в котором работаю. Там вам согласуют все, что нужно. Сейчас я занята. Кого сыграть-то надо?

— Жену.

Я озадаченно царапаю бровь.

— Чего?

— А вообще, дочь мою сыграть надо, — я вконец теряю суть, так ее и не уловив. — Ладно, вижу, что не признала. Давно не виделась, понимаю. Я отец твой. Помнишь такого? Михаил Муратович Киньшев. Привет, — и он так ручкой мне взмахнул, как будто невзначай.

Мое сердце бултыхнулось, вяленько отреагировав на его слова. Я слишком устала, чтобы реагировать на подобные

заявления.

Ну, подумаешь, отец.

Этот хотя бы опрятный.

Дома же ждал помятый алкаш — вариантик похуже, но зато уже привычный и родной. А этот еще неизвестно кто такой. Может, врет все.

— И чего тебе надо?

Я уже поняла, что он не просто так ко мне появился. Вряд ли отцовские чувства разыграли и он решил найти свою потерянную дочурку.

Он вздернул брови, удивляясь, но тут же взял себя в руки. На лице появилась улыбка.

— Давай сходим в ресторан, поужинаем, и я тебе все объясню толком.

— Я тороплюсь. У меня работа.

— Я заплачу.

— Это уже оплаченная работа. Меня там ждут.

— Двойне оплачу.

Я оглядываю себя.

— У меня вид непрезентабельный. Четверная оплата и тогда поеду.

Мужчина, назвавшийся моим отцом, расплылся в довольной улыбке.

— Вот это я понимаю деловой подход. Сразу видно пороку Киньшевых.

Я закатываю глаза.

— Деньги на карту. Вперед.

И он действительно перевел мне деньги. Тут же достал телефон, я продиктовала ему номер, и он скинул мне четверной оклад за пропущенный праздник.

Я позвонила подруге, с которой мы нередко меняемся, и попросила в очередной раз поменяться, не подставляя же детишек, что ждут на праздник мишку.

Только заехала, костюм подруге отдала, и же через час мы сидели в ресторане. Я с жадностью поела стейк, который без зазрения совести заказала за его счет.

Есть возможность — пользуюсь.

Это мое правило... Дают — бери. Не дают? Отбери.

— Ну, и что тебе нужно? Давай рассказывай, папуля.

— Да ладно, ладно, давай без этого. Я не рассчитываю на дочернюю любовь, — я хмыкаю, молча продолжая жевать.

— У меня к тебе деловое предложение. Поэтому и нашел тебя. Послушай внимательно и отнесись с пониманием.

— Послушать — без проблем. Ты за это заплатил. Второе не обещаю.

— Мне нужно, чтобы ты сыграла мою дочь.

— Я и так твоя дочь. Ну, если верить твоей сказочке.

— Это не сказочка. У тебя же стоит в паспорте отчество Михайловна?

— У меня стоит Александровна.

Это заявление его удивило.

— Почему? Твоя мать же мое оставляла...

— Я когда паспорт получала, поменяла на Александровну. Ты же бросил меня, так что ты мне не отец, — жму плечами. — Но ты рассказывай. Что дальше? Дочь сыграть твою? Что еще? Зачем? Больше информации.

Он немного молчит, отпивает кофе из чашки.

— Так, лады. Я понял, — он кивает сам себе. — Я занимаюсь определенным бизнесом, который... — он качает головой, — ну, не совсем легальный. И хочу сделать его легальным. А еще хочу побрататься с одним крутым бизнесменом и войти в высшую лигу. Он мне легализацию, я ему связи. Обмен выгодный. И чтоб все было чики-пики, мы договорились о браке между нашими детьми. У него как раз два сына холостые. Вот старшего Владимир и хочет женить. Владимир — это тот бизнесмен.

— Угу, — киваю. — Поняла.

— Для меня — лайковый вариант выйти на новый уровень. Для тебя — шанс на лучшую жизнь, так я считаю.

Я смотрю на него внимательно, жуя нежнейшее мясо. Я такое пробовала только один раз в жизни. Как-то на новогоднем корпоративе в крупной компании удалось поесть порцию, которая была лишней.

— Еще плюсы будут?

— А тебе мало? Деньги, положение, лучшее будущее.

— Слишком радужно.

Он усмехается.

— А ты не промах.

Я не отреагировала на его сомнительный комплимент.

— Так что, какие минусы?

— Ну, тебе придется поменять отчество, — он усмехнулся, глядя мне в глаза. Только сейчас поняла, что глаза у нас похожи. Может случиться так, что он реально мой отец... — И имя. И фамилию...

— Еще чего! — я фыркаю.

— Да не ссы. Я дам тебе новые документы. Старый паспорт можешь припрятать. Доки делаю, и ты занимаешь место моей дочери, выходишь замуж за Ярослава, становишься его женой. Без развода... — ага, вот и минус. — потому что этот брак будет своего рода скреплением «друзьбы» между мной и Владимиром.

— Ага, значит, ты ему пообещал брак с дочкой, а дочки-то и нет. И тебе тут надо, чтоб у тебя была дочка?

Михаил улыбается как-то странно. Ласково смотрит, словно на маленькую наивную девочку.

Так. Мне это не нравится.

— Дочка как раз есть. Просто она не подходит под эту роль.

И вот тут я реально удивилась.

— Чего-о?

— Так Алина же. А ты разве не знала о ней?

*Ягодки мои, в нашем литмобе вышла еще одна новинка.
Заглядывайте на огонёк))*

Приятного чтения ♥#

<https://litnet.com/shrt/4tRS>

В рамках литмоба "Красная нить судьбы"

Глава 6: Адская сделка.

— Дочка как раз есть. Просто она не подходит под эту роль.

— Чего-о?

— Так Алина же. Ты разве не знала? Близняшка твоя. Я перестала жевать, едва не поперхнувшись.

— Что? — уже менее вежливо переспрашиваю. — Какая, к черту, близняшка?

— Обычная. Родная, — я всматривалась в его глаза, пытаясь увидеть проблеск лжи, но не находила...

Меня редко можно застать врасплох, но ему это удалось...

Я даже не знаю, что сказать и как отреагировать.

Пока я сидела и не могла раздышаться толком, он достал телефон, что-то там нашел и протянул мне.

Я приняла его и всмотрелась в экран, с которого на меня смотрела... Я.

— Слушай, вы с ней как две капли воды. Почти. Если целенаправленно не искать различия, то и не поймешь подвоха. Волосы подстрижешь и все.

— Ну, сейчас ага, — я хоть и ошарашена, но не собираюсь тут же терять контроль. — Бегу и тапочки теряю. Пусть наращивает сама.

Она реально похожа на меня. Как будто я...

Я бы даже предположила, что это меня сфотографировали, если б не мелкие отличия. Она улыбается чуть по-другому, и я никогда не одевалась в такие вещи.

Она на этой фотографии в дорогой одежде... Рубашка, брючки, шпильки...

— Мы тебя приоденем, сводим в салон, прихорошим и тогда совсем никто разницы не заметит. А ее и не заметят, так как не знают о твоём существовании. Даже не подозревают.

— Ну, так и пусть она сама выходит за этого... Как его там? Ярослав? В чем проблема?

— Да не может она, я же говорю.

— Что так?

— Беременна. Узнали поздно. После того как договорились о браке. Обратно не отмотать, посчитают, что я ненадежный, слово не держу, а это уже все... Конец репутации.

И поэтому чтоб ее сохранить, нужно ТАК врать?

Я вскидываю на отца взгляд. А это именно отец, без всяких сомнений. Теперь-то с такими доказательствами. Уверена процентов на девяносто...

— М-да... Это реально задача не из простых. Я не собиралась замуж, так-то... Да еще и без возможности развестись.

— Не проблема. Точнее, как... Да, беременность — это проблема. Но не для тебя. Это временная проблема для нас.

Поэтому ты и нужна.

— Стоп. В смысле «временная проблема»? Ребенок не может быть временной проблемой. Ребенок это навсегда, вообще-то, — хмурюсь возмущенно.

— Алина родит и сможет заменить тебя, а ты станешь свободной.

Я думала, что удивить меня сегодня больше ничего не сможет.

— В смысле? Что за...

— Смотри, — он расставляет локти на столе. — Ты выходишь замуж под именем своей сестры. Вы похожи, это проклинает. Ты живешь под ее именем с этим Ярославом, сколько потребуется. Ну, годик-два, не больше. Алина родит, отойдет от родов, приведет себя в форму и заменит тебя. А ты будешь свободна, да еще и при бабках. Это твой счастливый билетик в лучшую жизнь. Ты же устала от нищеты, верно?

Я смотрела на него, пытаясь переварить услышанное. Это безумие какое-то...

Разочарование от встречи нахлынуло резко, словно на меня ушат холодной воды вылили.

Даже доедать стейк резко перехотелось.

Он предлагал мне обман, который пахнул гнильцой.

— А ребенка она куда денет?

Михаил жмет плечами.

— В приют. Или у меня будет жить. Няньку найму, бу-

дет воспитывать. Или отдам в приемную семью. Да мало ли какой вариант можно придумать. Когда родит, тогда придумаем, как от ребенка избавиться. А она тебя сменит. Не в этом же сейчас вопрос стоит.

Я не могу сдержать гримасу отвращения.

«Избавимся от ребенка»?

Это слишком даже для моей прожженной жизни. Это слишком даже по меркам моей матери, которая нарожала шестерых...

Точнее, семерых, получается, если у меня есть близняшка.

Опустим ту информацию, что она родила семерых и свалила в закат... Причин она не объясняла. Просто однажды ушла «за хлебом».

Да, в нашей семейке это была мать, а не отец. Отец хоть и алкашенок, но до сих пор коптит потолок нашего дома.

Но даже моя мать не «избавлялась» от нас. Она не сдала ни одного своего ребенка ни в какой детдом. Тянула до последнего.

Другой вопрос, что она свалила всех на меня, когда исчезла... А потом вернулась и подкинула еще и Андрейку. Но не об этом сейчас.

— Идите вы... Оба. Далеко и надолго, — я поднялась, отодвигая стул со скрипом.

— Подожди, я же еще не озвучил денежные условия.

— Обойдусь, — я пошла к выходу.

— Пять твоих годовичных окладов!

Я замерла и обернулась.

Сумма заставила меня обернуться. Я ведь так и жила, хватаясь за любую возможность. Но это была сделка с совестью...

Адская сделка.

— Нет.

Я сижу, вспоминаю все это.

Я отвернулась от него тогда и свалила как можно быстрее. Хоть он меня еще и догнал и всучил свою визитку на случай, если «передумаю».

Я хмыкнула, подумав, что он дал мне свой номер не для того, чтобы попытаться наладить отношения «отец-дочь», а только для случая, если передумаю...

Я вышла тогда из ресторана, скомкала визитку и выбросила ее в мусорку... Знала бы, что меня ждет дома, сохранила бы ее...

Я тогда вернулась домой раньше обычного, и хорошо вообще, что я раньше освободилась и не работала тогда чертовым медведем. Если б я работала в тот вечер по плану, я бы не слышала звонка Бори.

А в тот вечер он позвонил с одной из самых дерьмовых новостей в моей жизни. Адрей мог умереть. Ему нужна была срочная операция.

В детстве, когда он родился, врачи в местной больнице проглядели, что у него была сложная атрезия аорты. И такое

не вылечить простыми таблетками. Даже непростыми таблетками не вылечить.

Только хирургическим путем. Да еще и в два этапа.

Когда мне огласили сумму, в которую лечение обойдется, я чуть не умерла там вместо Андрея.

У меня не было таких денег.

Я не знаю, звезды так сошлись или же у жизни свой особый юмор... Я действительно пожалела, что выкинула визитку Михаила.

Только он сам меня нашел еще раз. Уже в больнице. У него не было выбора. Ему нужна была я, чтобы заменить мою беременную сестру перед алтарем.

А мне нужны были его деньги, чтобы спасти Андрея.

И я сказала эту чертову фразу...

«Я согласна»

Корю себя за это до сих пор... Продалась.

Но я все равно постаралась продать себя подороже, успокаивая именно этим. Раз уж я иду на такие жертвы ради семьи, то пусть это будут дорого оплаченные жертвы.

Я не упустила своего и выбила из него условия немного получше. Михаил не только должен был заплатить мне пятикратный годовой доход с моей работы до брака, но и оплатить операцию Андрею плюс все его лечение. Он также должен был перечислять моей семье каждый месяц сумму, кратную моей двухмесячной зарплате аниматора, потому что в нашей семье единственный солидный источник дохода был

только у меня.

Боря тоже работал, но также он еще и учился, чтобы хоть у кого-то из нас было нормальное образование. Поэтому у него зарплата была небольшая да и уходила она в основном на самого Боря, нежели на семью.

И так как семья теряла источник дохода в лице меня с моей работой, я поставила условие, что Михаил заменит этот источник. А в конце, когда моя сестра все-таки заменит меня, он заплатит мне второй раз ту же сумму, что и в начале.

Да... Хорошие условия я выбила из него...

Только конец наступил, а деньги он платить отказался...

Дверь в туалет содрогается от стука, и в нее тут же просовывается Борькина голова. Спасибо, что хоть постучал.

— Ты тут живая? Там мужик какой-то приехал. Тебя требует поговорить. Что происходит? Биту доставать?

Ягодки, приветствую всех: и тех, кто уже знаком с моими историями, и тех, кто только пришел.

Если история вам нравится, поставьте, пожалуйста, звездочку, добавьте книгу в библиотеку и подпишитесь, чтобы не пропустить выхода новых глав, а еще не стесняйтесь высказывать свое мнение о сюжете, персонажах и книге, в целом, в комментах.

Ваша обратная связь очень помогает не только продвижению книги, но и мне лично. Так я понимаю интересно вам читать или нет.

Обняла, приподняла:*

Увидимся на страницах истории ♥#

З.Ы. Псс, порекомендую вам свою коллегу по литмобу))
Приходите читать))

"Развод. Что осталось после любви"

<https://litnet.com/shrt/EtCT>

Глава 7: Вы меня бросили!

— Какой мужик? — хмурюсь, поднимаюсь и выхожу. — Биту давай.

— Да я откуда знаю. Взрослый.

Взрослый?

Хм... Михаил, что ли, нашел? Как он умудрился так быстро?

Хотя... С его связями и не такое можно провернуть. Он же пересылал деньги на мою карту. Наверно оттуда и адрес смог достать.

Я накидываю дубленку, беру биту, что мне протянул Боря, и выхожу во двор под пристальными взглядами братьев и сестры.

Ночной мороз окутывает меня. На небе перемигиваются звезды, пронзая пространство и время своим светом. Им в такт подмигивает кончик тлеющей сигареты у калитки.

Здоровый хаммер стоит темным пятном на фоне серебристого снега. От соседнего фонаря еще кое-какой свет долетает. В целом не так темно, как могло бы показаться.

— Иди, иди сюда, — раздается недовольный голос Михаила. Он не кричит, но в его тоне отчетливо слышатся стальные ноты. И каждое слово как удар. — Поговорим, как взрослые.

Он видит биту в моих руках и широко усмехается, кивает. Я прям вижу в его глазах одобрение и слова из разряда «это

в духе Киньшевых».

Только вот я не Киньшева.

Перестала ею быть, когда он нас бросил.

— Я уже все сказала. И ты тоже.

— Я не все сказал. А ты вообще ничего не говорила еще толком. Что ты устроила?

Я подхожу к калитке и остаюсь по эту сторону от нее, не выхожу со двора, кутаюсь в дубленку.

— Я же сказала. Это не я.

— А кто тогда?

— Откуда я знаю? Ты думаешь, если б я поймала Яра на измене, то я бы стала такой цирк устраивать?

— Да.

Я поджимаю губы.

— Нет. Я бы устроила цирк помасштабнее, и обычными картинками он не отвертелся. Это не в моем стиле, — я перекидываю битую в правую руку, потому что левая рука замерзла ее держать. Михаил снова ухмыляется, затягивается, подмигивает вонючей сигаретой.

— Так чего тогда сбежала? Устроила бы в своем стиле, — подозрительно спокойно щурится он.

— Потому что он подумал то же самое, что и ты. Что это устроила я. А это не я. И оправдываться я не собираюсь. Не верите, флаг вам в руки. Свои я умываю. Все, хватит с меня вранья. Оно и так кругом...

— И тебя только сейчас это напрягло? Ты понимаешь, что

своим выпендрежем портишь весь план? Устроила скандал, привлекла внимание, поставила всю семью Гросс в неловкое положение. Выставила не только его семью на посмешище, но и нашу. Еще и ударила Ярослава на глазах у всех. Ну кто так делает?

— Повторяю. Презентация — не моих рук дело. Я, по-твоему, самоубийца?

— Ты дура, блин. Сбежала, как маленькая девочка с места преступления. Поэтому да, они думают, что это ты. И пока не доказано обратное, так и будет. Пока ты скрываешься, так и останешься виноватой.

— Плевать. Повторяю, я не собираюсь оправдываться. Пусть думают что хотят. Хватит с меня.

— Да какой оправдываться?! Ты, блин, реально как маленькая! Тебе то что? Это же Алине отвечать! Держи свое слово! Из-за тебя я рискую нашей с Владимиром сделкой!

— Ничем ты не рискуешь! — я тоже срываюсь, не собираюсь терпеть его ор. — Вот именно! Алина у тебя есть! Вот она рискует, да! И я тоже. Так что давай, вперед, защищай кровинушку, как ты все время это делал. Ты же для этого меня нашел! Чтоб ее защитить! А теперь... Она уже родила, так что я не нужна больше. У вас есть мои фото и видео. В соц сетях их полно. Пусть теперь она подстраивается под меня, как это делала я. Это же ваш грандиозный план. Вот и пользуйся им! Вперед. Алина же так хотела себе богатенького мужа, пусть забирает этого чертова изменщика! А с меня

хватит!

— Так вот оно что! — Михаил бросает бычок и втапты-
вает его в снег. — В этом все дело? В измене Яра? Тыфу на
вас баб, бляха-муха! Влюбилась, что ли?!

— Не твое дело, — чуть ли не рычу в его сторону. Слова
сквозь зубы выталкиваю. — Это вообще здесь ни при чем.
Или ты думаешь, что твоя дочь, неважно какая, должна была
проглотить такое?! Скромненько поулыбаться и приползти
к своему мужу-изменщику? Скажи спасибо, что я ему там
яйца не вырвала!

Я думаю о том, что действительно жаль, что не сделала
так. Мягкой стала... Любовь и доверие меня смягчили...

И в эту мякушку всадили нож по самую рукоятку.

Как обычно и бывает. Ничего нового.

Михаил усмехается, как будто понял мои мысли.

— Какая, к черту, разница, в конечном счете? Тебе же
нужны были бабки, так доведи дело до конца.

— Я уже довела его до конца, — отрезаю. — Мы догово-
ривались на год-два. Год прошел. Алина родила. Пусть заме-
няет меня. Лучшего момента не подобрать.

— Да ты ее видела? Она килограмм на десять больше те-
бя! Яр, конечно, придурок, но не тупой же! И не слепой!

— Пусть худеет. Стилисты и спортзал в помощь. Ты при-
думаешь, как выкрутиться.

— Бляха-муха, это не я должен выкручиваться! Твоя за-
дача была быть образцовой женой, а сейчас ты год своей ра-

боты выкидываешь просто в мусорку! Это был договорной брак. Ты вообще в курсе, что такое договор?! До-го-вор!

И тут меня прорывает.

— Нет, я не знаю, что такое договор! Я же совсем тупая! Без образования! — рывкаю. — В тот момент, когда это объясняли в школе, я подтирала сопли своим младшим. Я не ходила в школу с десятого класса! Я понятия не имею, что такое до-го-вор, па-па! А знаешь почему?! — рывкаю, как бешеная на всю улицу. — Потому что тебя не было рядом! И матери тоже! Она батрачила на двух работах, чтоб нас прокормить, а потом вообще свалила! Вы оба бросили меня!

Слова, брошенные мной, разлетаются по улице и моментально впитываются в снег. Они такие острые и горячие, что, кажется, топят ледяные снежинки на поверхности сугробов.

Как бы я ни хорохорилась, а все равно обида гложет меня... Никак я не могу избавиться от нее. Как бы ни уговаривала себя, как бы не заверяла себя, что я сильная и справлюсь...

Мы замираем на секунду.

Михаил не находится, что ответить в моменте. Только черные глаза блестят в ночи.

Такие же, как у меня.

Я чувствую, как ком в горле мешает дышать и говорить, но все равно выталкиваю следующие слова дрожащим от напряжения и обиды голосом.

— Мне не объясняли в школе, что такое договор, но даже

я со своими куриными бабьими мозгами знаю цену обещанию. Ты дал обещание, что заплатишь в конце. И что? Где твое слово? — выплевываю в него это. — Подтереться им можно. Тоже мне, большой и опасный бандит с репутацией. Засунь ее себе в задницу, бизнесмен из высшей лиги, выезжающий за счет девчонок. Свои деньги туда же к репутации утрамбуй. Может, получится Киньшевский алмаз. А меня оставь в покое. У меня и без тебя забот хватает.

Я разворачиваюсь и иду к крыльцу, кутаясь в дубленку, от которой все еще пахнет домом Гроссов. Ноги в домашних тапочках уже задубели. Я поджигаю пальцы, боясь поскользнуться. Снег хрустит от моих шагов.

— Буду на связи. Звони, если передумаешь или что-то понадобится, — раздается спокойно мне в спину, когда я уже хватаюсь за ручку двери.

Я отворачиваюсь.

— Мне от тебя уже давно ничего не надо.

Я отворачиваюсь и скрываюсь, наконец, в теплом нутре дома. Закрываю дверь и опираюсь на нее.

Боря, Ник и Лика отлипают от окна и смотрят на меня. Лика спускает с рук Андрея.

Круто, они все видели.

Возможно, даже слышали.

— Эт кто такой? — спрашивает Ник, глядя в окно на то, как уезжает черный хаммер.

— Кто он? — Лика вторит ему, как попугайчик. Они все-

гда вместе. Два сапога — пара.

— Это тот самый бандюган? Он тебе что-то сделал? У нас проблемы? — Боря, как всегда, спокоен, но сейчас его голос серьезен, как и взгляд.

Ягоды мои, встречайте еще одну участницу литмоба:

Лера Корсика "Измена. Быть нужной"

<https://litnet.com/shrt/yARr>

Приятного чтения!

Глава 8: Каково было ему?

— Это тот самый бандюган? Он тебе что-то сделал? У нас проблемы?

Я мотаю головой, не в силах сейчас отвечать на их вопросы. Просто отмахиваюсь. Молча стаскиваю дубленку и поднимаюсь наверх. Уж сегодняшний вечер они смогу справиться без меня.

Заваливаюсь на кровать Лики, думая о том, что мне надо где-то спать. За год в доме произошли перестановки, и теперь все спальные места заняты...

Надо что-то придумать... Но не сейчас.

Я просто заваливаюсь на узкую кровать в углу и смотрю на скошенный потолок. Комната Лики прямо под крышей. Раньше здесь жила я...

Мой телефон в очередной раз вибрирует, не успела я толком выдохнуть.

Ну что еще?!

— Алло?

— Ида, блин, ты охренела? — голос Алины режет мой слух. Век бы ее не слышала.

Меня передергивает. Меня так звала мать, и Алина так взялась звать... Чтоб ее...

— Не зови меня так. Что, папуля уже успел пожаловаться на меня? Что тебе не нравится?

— Что не нравится? Ты серьезно?! Ты прям конкретно меня подставляешь, вот в чем!

— Так ты же хотела замуж за Яра? Вперед и с песней.

— Да я еще не готова! Идочка, ну давай ты вернешься еще хотя бы на месяцок, ну? А я как раз похудею за это время, няньку найду, мы подготовимся как следует, чтобы мягонько сменить тебя на меня...

— И это еще я охренела? — хмыкаю в трубку.

— Ну а кто еще! Ну, кто так делает?! Мы же договаривались...

— С тобой мы ни о чем не договаривались. Я договаривалась с Михаилом. И он, кстати, свои условия не выполнил до конца. Так что и мне не обязательно. Мы договаривались минимум на год, максимум на два. Год прошел. Не вижу причин для претензий. Все, что от меня зависело, я сделала. Остальное — за вами. Кольцо я оставила дома у Яра, так что проблем нет. Приедешь, и он тебе его сам вручит. Наверно... Разберетесь, не маленькие.

— Вот ты сучка! Мразь наглая!

— Уж кто бы говорил. На себя в зеркало давно смотрела? Мне напомнить, почему именно твой отец обратился ко мне?

— Верно папа сказал — бедноту можно обрядить в дорогие шмотки, но в душе беднота так и останется беднотой. Мыслишь как классическая босячка. Ей и останешься, поняла? Потому что не можешь мыслить критически и приходиться к компромиссу! Дура!

— Ага, да, понятно. Босячка тебя услышала. Ваш отзыв очень важен для нас. Спасибо, что обратились к нам за услугой. Всего наилучшего.

Я отключаюсь от этого бессмысленного разговора, и стук в дверь разбивает тишину в пространстве и мои мечущиеся мысли в голове.

— Можно?

— Не можно.

— Я так спросил, чисто для галочки, — Боря все равно заходит. За ним, цокая когтями по линолеуму, забегает Достоевский и тут же запрыгивает на кровать. — Э, Достоевский, место, — спокойно командует Боря, и белый комочек шерсти с грустным видом спрыгивает обратно на пол.

Боря внаглую без церемоний двигает меня на кровати к стеночке, а сам заваливается рядом. В его руке звенят две бутылочки пива, одну он протягивает мне, но я отказываюсь.

— Зря.

— Ты же знаешь, меня воротит от пива.

— И меня тоже.

— Что-то незаметно.

— Это доступные мне способы расслабиться. Я не перебарщиваю, не переживай. Не хочу стать как отец.

— Да, Шурик у нас просто чудо...

— Знаешь, мне тут довелось попробовать стаут Смоки Исланд. После него любое пиво словно ослиная моча... — Боря хмыкает, открывает себе бутылку с коротким сочным

«пш». — А стаут такой крепкий, дымный, горько-сладкий... И плотный, как сироп. Вещь... — он мечтательно щурится и все равно прикладывается к горлышку обычной Балтики.

— И ты все равно хлебаешь это?

— Хоть что-то.

Я с грустью молчу.

«Хоть что-то» — вся наша жизнь в одной фразе.

Мы никогда не могли позволить себе выбрать лучшее из предложенного: лучшее или худшее. Мы могли позволить себе выбирать лишь «что-то» или «ничего».

Понятное дело, что «что-то» лучше, чем «ничего».

Лучше соленый крекер жевать с чаем, чем пить пустой чай. На круассаны денег у нас не водилось.

Лучше дешевая картошка на ужин, чем ничего. На колбасы и овощные деликатесы опять же не хватало. Те же брокколи и авокадо, которые мы с Борей так любим, стоят как золотые слитки!

Так что да... лучше «что-то», чем ничего.

— Вкусно описываешь. Как всегда... Аж захотелось попробовать этот твой стаут. Кстати, о вкусном. Как у тебя на учебе дела?

— Прекрасно. Учусь. Вкушаю гранит науки. Не всегда он вкусный, но пойдет. Все по плану. Как закончу, устраюсь по протекции в ресторан один. Не пять звезд, но для начала пойдет, — кивает. Для меня даже этих слов уже достаточно. Потому что у него будет то, что не было у меня. Образова-

ние. И это хорошо.

— Молодец. Продолжай в том же духе.

— Продолжаю, продолжаю. Ты, может, расскажешь уже, что случилось? Я спрашиваю, чтоб понимать: мне битую хранить под кроватью или поближе к выходу? Готовиться к тому, что к нам снова заявятся какие-то бандосы?

— Нет, — я морщусь. — Такого больше не повторится. Просто мое маленькое брачное приключение закончилось. Вот и все. Карета превратилась в тыкву. Алина Гросс превратилась в... — я тяжело вздыхаю, взмахиваю над собой руками, — ... это.

— Слушай, я не слепой. Я понимаю, что случилось что-то еще. Тебя раскрыли или что? Если б ты просто была должна бабок, я б понял. Ты бы по потолку бегала от злости с полыхающей задницей. Я же вижу, что тебе плохо.

Я приподнимаю голову и смотрю Боре в глаза. Они у него голубые. Как у мамы. У них всех глаза голубые: у Бори, Никиты, Лики, Кирилла и Андрейки. Все потому, что у них отец один, а у меня другой. Мать только общая.

Он отвечает мне спокойным взглядом. Эх... Да, Боря у нас такой. Спокойный как слон, непоколебимый как танк. «Нет приема против танка, если нет другого танка». Так о нем говорит Ник. И я с ним согласна.

Боря среди нас самый спокойный и самый уравновешенный. Мне бы так...

— И что, что плохо? Когда это было препятствием для

меня? — хмыкаю, пытаюсь свести все в шутку.

— Знаю, что никогда. Но ты же можешь рассказать. Станет легче.

Он настаивает, хмуря свои кустистые брови. Я хмурюсь, чувствуя как в груди что-то постепенно умирает и онемело пульсирует.

— Не могу.

— Можешь.

— Ты не понимаешь. Даже если тебе плохо, ты не можешь показать свою слабость. Даже наедине с самим собой. Ты позволяешь проронить мужскую скупую слезу, на миг растворяясь в своей горечи. Лишь на миг. Только на один гребаный миг ты позволяешь себе вкусить эту горечь в полной концентрации. А уже в следующий ты шваркаешь носом, подбираешь сопли, стираешь слезу и живешь дальше. Просто живешь.

— Влюбилась что ли?

— Тьфу, — я сажусь, морщусь. — Умеешь испортить момент.

— Завязывай философствовать. У тебя хоть и нет образования, а умеешь задвинуть умные речи. Начиталась книжек своих умных. А сейчас так и вовсе... Чем там тебя кормили? Деликатесами вприкуску с философскими талмудами? Получила за год образование? Поменялась ты... Так расскажешь, что было? Что там этот мужик? Обидел тебя? Хочешь, приеду к нему и сломаю ему руки? Ты же знаешь, мне это как

два пальца об асфальт. Только скажи.

Я смотрю на Борьку, улыбаюсь.

— Ты ж мой защитник.

— Надо же кому-то, пока не появился твой принц на белом коне. Или хотя бы на осле.

Я закатываю глаза и укладываюсь обратно под бок к Боре.

— Нормально все, Борь. Я в порядке.

— Ага. Классическое «я в порядке»... Сориентируй, пожалуйста. Это «я в порядке», как тогда, когда ты попала в аварию на стройке и тебе чуть руку не расплющило? Или это «я в порядке» такое, как когда тебя бросил Паша, и ты сутки лежала на кровати, уткнувшись носом в стену, а потом вскочила и побежала печь кекс для Лики на первое сентября с улыбкой до ушей?

— Хм... — я делаю вид, что задумываюсь. — Нечто среднее, пожалуй.

— Отлично. С этим можно работать.

— Ага.

— Так ты расскажешь?

— Нет, не сейчас, Борь. Я устала и хочу отдохнуть.

— Ну, ты хоть скажи: там, откуда ты свалила, всем досталось? Они надолго запомнят Стешу Войдас?

Я улыбаюсь, чувствуя, как Боря меня обнимает за плечи и сжимает своими крепкими руками.

— Лучше бы забыли.

Мы ненадолго замолкаем, но я все равно пытаюсь смяг-

чить драматичность этой ситуации и улыбаюсь:

— Зато, будучи там, я поняла, как поднялась моя планка. Хотя это скорее минус, чем плюс. И еще я обрела хобби, без которого теперь будет очень тоскливо жить. Это тоже скорее минус...

Боря сдвигает брови, не понимая меня. И вряд ли поймет. Он же мужчина, а не женщина.

— Это какое же?

— Быть с властным сильным мужчиной нереально балдежно.

— В смысле?

— Безопасно и при этом не скучно. Не могу сказать, что спокойно. С ним как на порховой бочке было... Но, знаешь, так весело было ему не подчиняться и смотреть, как он бесится.

— Ты чокнутая.

— Ага, — вздыхаю.

Когда Боря уходит, оставив, наконец, меня одну, я позволяю себе на тот самый «миг» утонуть в боли.

Я достаю образ Яра из мыслей. Вспоминаю его лицо, руки, тело... Вспоминаю, как мы лежали, и я впитывала его образ.

Я понимала, что любить его опасно, но мы же не контролируем свои чувства. Мы не можем запретить себе любить. Мы просто влюбляемся и любим до тех пор, пока любовь не превратится в нечто искореженное и темное. Или до тех пор, пока не иссохнет...

Он еще тогда с серьезным лицом спрашивал меня: что ты так смотришь?

Я правду сказать не могла и отвечала просто «запоминаю».

А он мне: «Зачем тебе это? Я же никуда не денусь»

Да уж...

Вот и не делся.

Все рано или поздно заканчивается. А счастье, обычно, заканчивается быстрее. Когда ж я это запомню-то?

Интересно, каково ему было также врать мне? Мы чувствовали одно и то же?

И поделом мне. Заслужила.

Глава 9: Что еще за Степанида Войдас?

Ярослав

Для вас, ягоды мои, нарисовала Яра) ♥#

35 лет, красавец-мужчина! Но характер, конечно...

Проходит семь дней с нашей годовщины.

Неделя раздражающей неопределенности и бесполезных поисков. Я все еще ищу Алину.

И пока ищу, понимаю окончательно, какую ошибку совершил год назад. До меня, наконец, доходит, что сепарироваться от семьи у меня так и не получилось. Я взрослый мужик, а мой отец все равно имеет влияние на меня. И пойдя у него на поводу год назад, я не только дал ему понять, что он может продолжать контролировать меня, но и обзавелся... якорем. И дров наломал знатных.

Мое первоначальное, почти забавное отношение к скандалу на годовщине сменилось глухим, нарастающим гневом. Ситуация уже ни черта несмешная.

Отец так и не сменил своего решения: Олег сидит на моем месте и даже, кажется, преисполнился особой гордостью. Стал носить костюмы и перестал щеголять помадой на ще-

ках.

Отец уперся: пока, говорит, с женой не разберешься, так все и останется. Да я бы и рад разобраться, только жена свалила с пространной формулировкой *«Дорогой, привет. Прости, я не готова сейчас к разговору. Мне нужно время все это пережить, поэтому не ищи меня. Я скоро вернусь, и мы все обсудим»*.

Когда скоро?

Черт ее знает!

Еще и трубку бросила. Больше так и не ответила.

Что еще за выходки?

Михаил тоже завтраками кормит каждый день.

«Дочь еще не отошла, Ярослав, не давите на нее. Вы же знаете Алину, своенравная натура. Сама вернется, когда остынет. Точно вернется, я ее знаю».

Чушь собачья.

Я успел узнать Алину за этот год достаточно, чтобы понять, что она не вернется. Да и что там можно обдумывать целую неделю?! Как правило, люди узнают ответ на важный для них вопрос в первые две секунды после озвучивания вопроса. Все остальное лишь оттягивание неизбежного.

И если она решила свалить, это и есть ответ.

Да и вообще, подумавшись, переспал с левой девкой из эскорта. Справедливости ради, это было еще до того, как мы первый раз переспали с Алиной. Так что даже за чистую измену засчитать нельзя. Чушь собачья какая-то.

И если уж ее это так оскорбило, ну и разобрались бы сразу, какого черта она тянула несколько месяцев? Надо было сразу на берегу разбирать, а не устраивать цирк перед сотнями гостей и журналистов.

Да и пес бы с ней, с этой девкой из эскорта. И черт с ними, с журналистами. К концу недели эту новость уже всю обсопали со всех сторон и успокоились. Тоже мне, скандал.

Побурлило и заглохло.

Меня волнует другое.

Моя жена, та, с которой я прожил этот чертов год, свалила от меня!

Вот неугомонная женщина!

Тот факт, что возвращаться она не собирается, стал понятным сразу, потому что Илья откопал таксиста, который ее подвозил.

Тот нам поведал, что довез ее домой, а потом на вокзал. Так не ведут себя люди, которые хотят вернуться.

Я сначала подумал, что отыскать ее будет плевым делом, да только билет на автобус она брала без паспорта и даже не по карте, а наличными расплатилась.

Так что в каком направлении она укатила, мы узнали только через несколько дней путем добычи видео с камер и механического просмотра тонны часов сырого материала.

Что она забыла в Вербино — я лично не понял. Но Илья копает, мотается, а я ему в этом помогаю.

— Ярослав Владимирович, — наша экономка Нина окли-

кает меня, заглянув в гостиную.

Я оборачиваюсь, отвлекаясь от просмотра кадров с камер видеонаблюдения. У меня уже от этих кадров глаза скоро квадратными станут.

И пусть станут.

Я найду эту бегунью.

— Что?

— Там это... — Нина как-то странно мнется. — Супруга ваша приехала.

Удар сердца. Другой. Грудину сжимает какой-то неестественный для меня спазм волнения.

Я стискиваю челюсти и тут же подрываюсь, оставляя на диване планшет. Слетаю по лестнице, ощущая, как ноги едва касаются ступеней. Во мне тут же начинают бурлить неконтролируемые эмоции.

Их пробудила когда-то во мне именно она.

Гнев смешивается с радостью и выливается в дрожание пальцев. Мне кажется, что эмоции конденсируются вокруг меня в черную тучу, которую, впрочем, никто не видит. Это лично мое ощущение...

И оно только усиливается, когда я вижу ее...

Михаил как раз закрывает дверь за Алиной, когда я прилетаю в прихожую, и застываю как вкопанный, жадно впитывая ее образ.

Волосы остригла и выглядит странно бодренькой. Хотя вижу, что тени под глазами замазала косметикой.

Наступает неловкая тишина несколько секунд, пока мы напряженно друг друга разглядываем и...

Она отводит взгляд! Довольно быстро.

Не понял.

Что с ней сделал Михаил?

Да чтоб Алина первой взгляд отвела так быстро?

Вид у Михаила почти триумфальный, будто лично поймал сбежавшую жену. Хотя, может, так оно и было.

Алина сдержанно хмурится, молчит, но я вижу, что та болезненная ярость, которую она излучала на годовщине, уже не бушует в ней.

Ну, еще бы.

За неделю-то должна была отойти.

— Вот, принимай дорогую супругу обратно домой.

— Надо поговорить, — бросаю коротко, глядя только на Алину. Михаил мне изначально не нравился и контактировать с ним не вижу особого толка.

— Конечно, надо. Поговорим, — кивает Алина и подходит близко-близко.

Она целует меня в щеку и заглядывает в глаза, а потом взгляд опускает.

Я застываю, ощущая странную неловкость.

Не понял.

Это что сейчас было?

Жест примирения, что ли?

Да я-то не против, только... вблизи я вижу, что она выгля-

дит странно, будто неделю спала. Или, наоборот, не спала, а маялась по всем чертовым вокзалам.

— Где ты была? — прищуриваюсь. Я стараюсь говорить спокойно, но внутри все напряжено до предела.

Странно... Я едва сдерживаю желание отстраниться от нее, потому что от нее как-то непривычно пахнет. Вроде каким-то шампунем обычным и... почему-то мелом.

Мел? Серьезно?

Раньше ее волосы пахли мёдом, лавандовым шампунем и неисправным феном, когда она изредка сушила им волосы. А руки она вообще мыла только с дегтярным мылом. Отвратительно привлекательная смесь, до безумия живая...

А сейчас...

Не то.

— У девочек свои секреты, — кокетливо жмет плечом, и я еще больше напрягаюсь. Она никогда так не делала. — Да и не тебе такие вопросы задавать, Ярослав. После такого косяка. Скажи спасибо, что я вообще вернулась. А лучше скажи спасибо отцу. Это благодаря ему я передумала.

Алина вздергивает подбородок и гордо проходит мимо меня.

Это уже больше походит на нее, но все равно меня не отпускает ощущение подвоха. Не могла же она за неделю так поменяться?

Я провожаю ее взглядом до тех пор, пока она не скрывается на втором этаже. Мне стоило бы за ней пойти и выска-

зять все, что думаю, но я сдерживаюсь. Во-первых, не при Михаиле устраивать разборки. А во-вторых, мне как-то и не хочется за ней идти.

Не знаю... странное чувство какое-то внутри. Подвоха какого-то. Поэтому я не тороплюсь.

Оглядываюсь на Михаила.

— Где она была? Где вы ее нашли?

— Да у подруги была, Яр, у подруги. Куда ж ей еще пойти-то. Женщины, — он жмет плечом.

— Какой подруги?

Я делаю вид, что поверил.

Какая к черту подруга? Она говорила, что у нее нет друзей.

— Это уже у нее спроси. Она мне сама позвонила и попросила забрать из центра. Она мне не докладывает. Радуйся, что вернулась. Я уж подумал, что все, развод. А так, сейчас помириться, — он мне красноречиво подмигивает, — и все у вас будет чики-пики.

— Ага. Будет. До свиданья, — я открываю ему дверь и без зазрения совести указываю на выход.

Улыбка Михаила чуть блекнет, но он все равно продолжает играть свою роль, а потому жмет мне руку, желает удачи и сваливает, наконец.

Я стою недолго. Обдумываю. Все, что увидел, что услышал и понимаю, что что-то не так.

Не могу понять, что, но точно что-то не так.

Казалось бы, вот, Алина вернулась, радуйся. Действительно. Но ощущение подвоха не покидает. У какой она подруги была в центре, если она мне сама лично говорила, что друзей у нее нет. И зачем тогда сорвалась в Вербино?

Михаил живет далеко не там.

У нее там кто-то есть? Любовник?

Да ну нет...

Я усмехаюсь сам себе.

У Алины любовник?

Пфф!

Чушь!

Не может быть!

Эта мысль корежит меня, изнутри точит, разъедает, но я не могу от нее избавиться.

Где она была?

Почему это так волнует меня, когда она уже вернулась?

Из раздумий меня вырывает звонок от Ильи.

— Слушаю.

— Ярослав Владимирович, вы дома? Я хотел заехать за-
вести материалы. Все, что накопал.

— Дома. Завози. Хоть уже и не надо...

— Как это?

— Алина вернулась.

С той стороны раздается озадаченное молчание.

— Я все-таки заеду, Ярослав Владимирович. Я как раз хотел вам кое-что показать.

— Что?

— Не по телефону. Это касается вашей жены.

— Хорошо. Жду.

Илье удалось меня озадачить, поэтому я вновь не стал спешить и подниматься на второй этаж к Алине. Я дожидаясь Илью и выхожу к нему. Вместо того чтобы обсуждать это дома, я сажусь к нему в машину, и он протягивает мне тонкую папку.

— Что там?

— Посмотрите. В общем, в Вербино нет никого по имени Алина Михайловна Киньшева. Прописка у нее московская. И вообще нет там никаких других Киньшевых. Поэтому я пошел искать исключительно по камерам. Шуршал по всей округе. И мне удалось найти одну запись за эту неделю. Алина Михайловна попала в кадр в больнице. Она была с каким-то ребенком.

— Чего? С ребенком? — я морщусь, глядя в экран телефона Ильи. На черно-белой картинке действительно видно, как девушка, похожая на Алину, стоит у стойки регистратуры и держит за руку какого-то мальчика. Ему примерно года три-четыре, не больше. Точнее трудно сказать, кадр не четкий.

Не понял...

Вот сейчас вообще не понял.

— Да, я сам удивился.

— Это точно она?

— Хм...

— Что значит «хм»?

Илья странно мнетса, потирает шею, и я вижу впервые его неуверенность.

— По видео могу сказать - да, это ваша жена. Процентом на семьдесят. Я долго все просматривал, но кадр не четкий. Да и по документам...

— А что с ними?

— Я откопал документы этой конкретной девушки, — он тыкает в экран на Алину. — Не спрашивайте, как мне это удалось, — он мотает головой. — То еще приключение, но оно того стоило. Да сами посмотрите, вот, я все собрал в папку, — и он обращает внимание на бумаги в папке. — Правда, яснее от этого картина не становится.

Я озадаченно открываю, перелистываю сканы чьих-то паспортных данных, медицинской карты, справок, фотографий. Фото уже более четкие, и на них я реально узнаю Алину.

Только выглядит она по-другому. Более... приземленно, что ли. Длинные темные локоны собраны в гульку на затылке. Одежда другая, куда более дешевая, да еще и компания каких-то малолеток вокруг.

Я просматриваю все это внимательно и в конце открываю скан паспорта.

Вижу фото, вижу имя и...

Чувствую, как руки начинают пульсировать изнутри от

напряжения. Особенно кожа под кольцом на безымянном пальце. Я медленно вдыхаю и поднимаю озадаченный взгляд на Илью.

— Что еще за Степанида Войдас?

Глава 10: Первая встреча.

Стеша.

Год назад.

— Так, нужно починить холодильник. И еще лекарства Андрею купить, — я быстро перечисляю, стараясь ничего не забыть. — Я не знаю, как сегодня все повернется, но есть вероятность, что я не вернусь сегодня домой. Исходим из этого.

Сердце колотится как бешеное. Сегодня первая встреча с этим Ярославом и его семьей. И мне надо потарапливаться, чтобы не опоздать. У меня сейчас мозг вскипит от переизбытка дел, которые я переделала. И от волнения, которое я ощущаю перед встречей...

Михаил тоже «молодец»! Дотянул до последнего. Он только-только позавчера меня нашел, а встреча знакомства запланирована была на сегодня!

Ну, чисто человек, у которого под ногами земля горит. Не люблю торопиться. И опаздывать не люблю. Стараюсь быть пунктуальной, а с нашей семейкой это ой как не просто сделать.

У меня Андрей в больнице, встреча через два часа, все дела по дому нужно привести в порядок, да еще и себя тоже! А

он мне дал на это чуть больше суток.

Все, как всегда, в последний момент.

— Те же дорогущие?.. — тянет Лика, постукивая кулачками по столешнице.

— Да! Не дороже жизни Андрея. Что вообще за разговорчики?

— Да поняла я, поняла... Просто так спросила.

— Я тебе поспрашиваю.

— Холодильник. Препараты, — флегматично влезает Боря, возвращая меня в колею разговора. — Что еще?

Я протягиваю Боре пачку наличных из тех, что мне заплатил Михаил.

— Ва-ау, — тянет Лика, увидев столько денег.

— А, ну, живо отдай! Это моя брызгалка!

— Нет! Ты моешь губкой, а я брызгаю!

Из ванной вылетают Ник с Кириллом и начинают носиться вокруг дивана в гостиной, периодически запинаясь за ноги спящего без этих задних ног Шурика. Что-то в этом мире вечно...

— Ребят, прекращайте ссориться!

— Да, лучшие начинайте драться, — хмыкает Боря.

— Делаем наши ставки! — включается тут же Лика. — Ставлю киндер на Кира!

— Эй, вообще-то, я твой брат! — оскорбляется Ник.

— Он тоже. А еще он младше, поэтому злее. Бей его!

Я закатываю глаза и все же смотрю на Борю.

— Здесь на воду, дрова, уголь и еду. Десятую часть отложи — это на непредвиденные расходы. Еще пятнадцать тысяч вам в качестве подарка на Новый год. Но! Брать только что-то полезное: одежду для школы, книги, порисовать там... Разберетесь, в общем. Это, если я не вернусь. Если получится приехать, я, конечно, сама все сделаю. Но если вдруг нет, — поднимаю палец, — проследи, пожалуйста. Никаких тонн конфет, пива и концертов. Понятно? Я буду скидывать каждый месяц деньги тебе на карту.

— Это все, что осталось?

— Да, самый большой кредит я погасила. Осталось еще два. Ну, и на операцию Андрею мне еще скинут чуть позже. Я тебе переведу. Пока так.

— Ладно, на зиму найду подработку, — кивает Боря. — У меня еще осталось с прошлой зарплаты немного, если что, докину. Не помрем.

— Только, пожалуйста, не пропускай учебу! — я хватаю Бору за плечи и сжимаю их холодными пальцами. — В задницу подработку, если это повлияет на твои успехи в учебе. Лучшие мне скажи, я раздобуду денег.

— Наоборот должно быть, — хмурится Боря. — Кто тут мужик-то?

— Вот получишь образование и будешь своей мужицкой мужицкостью щеголять, а сейчас учись. Я уже в тираж вышла, а у тебя есть еще шанс.

— Блин, Стеш, давай без этого, — он снова морщит бро-

ви и губы. Спокойно, размеренно, но есть в этой мимике что-то гипнотическое и мученическое, — Ниче ты не вышла в тираж. Тебе всего двадцать семь.

— Но, согласись, мне уже поздновато в школу идти учиться, — я хмыкаю, хватая пуховик. — Все, я полетела. Так что пока-пока, будем на связи.

— Ага, — кивает Боря и коротко и крепко меня обнимает. — На связи.

Я вылетаю из дома не прощаясь. Не люблю долгих прощаний, а тут еще и опаздываю. Я мчу на остановку, где меня уже ждет такси. Я накидываю тысячу за скорость.

Эх, ценник выйдет космический. Но платит Михаил, так что это уже его проблемы будут.

Таксист довозит меня почти вовремя. Небольшое, но элегантное здание с затемненными панорамными окнами зеленого оттенка встречает меня с прохладой.

Я закидываю рюкзак на плечо и иду внутрь. Михаил говорил, что нужно подняться на лифте на третий этаж, пройти по коридору, не привлекая внимания. Мол, эта первая встреча конфиденциальная и все такое.

Там будет какой-то конференц-зал, там мы и должны будем встретиться.

Лечу к лифту.

— Девушка, вы к кому?

— У меня назначено.

— Вы записывались?

Я все-таки обращаюсь на девушку на ресепшене.

— Нет. У меня назначено. Я что, говорю тихо?

Она улыбается мне вежливо, мотает головой. Кидает взгляд на охранника. Тот смотрит на меня.

— У меня что-то на лице? — я щурюсь. Он встает. Но лифт открывается, и я юркаю в него.

Чего прицепились?

Оглядываю себя. Вроде нормально выгляжу. Михаил дал мне денег и сказал «приодеться». Я и приделась. Брюки классические черные и рубашка бежевая. Что еще нужно?

Ну да, на мне кроссы зимние. Ну, не успела я нормальную обувь купить! Да и, если честно, меня жаба задушила тратить такие деньги на зимние сапоги, в которых все равно неудобно и ноги мерзнут в мороз.

Я предпочла вкинуть лишние десять тысяч за кредит. Вот разгребусь с «подарочками», которые мне мать оставила, когда свалила, и тогда буду настоящие подарки себе позволять. А пока нужно пояс потуже затянуть.

Вылетаю из лифта третьего этажа, стаскивая на ходу пуховик, лечу по коридору. Черт знает, куда именно тут идти. Где этот конференц-зал? Налево или направо?

Сама вся уже вспотела от этой гонки. Сердце на всю грудь тарабанит возмущенно, щеки горят. Я вся жаром так и пышу!

Ух, да уж, горячая девчонка.

— Девушка, можно ваши документы?

Путь мне перегораживает тот самый охранник, вырuling из запасного выхода, с лестницы. От него пахнет дорогим одеколоном, словно он в нем пытался искупаться. Но это все равно не помогло перебить душок перегара.

— Нельзя. Я тороплюсь.

— Я все-таки настаиваю.

— Окей. Зачем вам мои документы? — я встаю в позу.

— Обычная проверка.

— Она вам ничего не даст. Пропустите.

Я пытаюсь его обогнуть, а сама прислушиваюсь. Может, здесь люди какие-нибудь будут?

— Я все же настаиваю.

— Настаивать вы будете дома то, что пьете, — хмурюсь. — От вас за километр разит, а от меня отстаньте, пожалуйста. Я правда тороплюсь.

Охранник хмурится и делает шаг вперед. Берет меня внаглую под руку и тащит к лифту. Я роняю пуховик.

— Эй! А ну, отпустил! Меня здесь ждут!

— Зданием ошиблась, девочка, — грузно басит этот хам.

— Твои товарки в соседнее ходят. Отель там.

— Чего?! — это он меня за проститутку, что ли, принял?! — А, ну, отвали от меня! Сам ты товарка! Я вообще вот сюда шла! — и чисто наудачу я хватаю ближайшую дверную ручку, услышав за дверью голос.

Пинаю ее.

Дверь распахивается, а я пытаюсь вырвать свою конеч-

ность из лапищи этого бородатого громилы.

Из небольшого уютного кабинета без окон на нашу буйную парочку смотрит какой-то другой громила, только более элегантной наружности.

Эдакий главарь мафиози из девяностых. Волосок к волоску, ровный боковой пробор, гладко выбрит, а бицуху даже дорогой костюмчик не скроет.

Жуть, короче!

Он говорит по телефону, но отвлекается на нас, когда дверь распахивается внутрь.

— Сюда? Чего врешь? Давай вперед. Знаем мы таких...

— Куда вы ее ведете? — мужчина выглядывает в коридор, приложив телефон к уху.

— Извините, что побеспокоили, — охранник с каким-то заискивающим уважением кивает, улыбается.

— Я не это спросил.

— Понял? Не это тебя спросили. Я же сказала, что сюда шла. Видишь, на телефоне человек, дозвониться до меня не может. А все почему? Из-за тебя, — я коротко пинаю охранника в колено. Он охает, а я ловко выкручиваюсь из его хватки, стремительно подхожу к мужику и хватаю его под локоть. Моей ладони не хватает, чтобы обхватить его руку. Я даже сбиваюсь с мысли на секунду, но быстро нахожусь. — Привет, милый.

Он смотрит на меня бесстрастным взглядом как у какого-то маньяка, и я уже успеваю пожалеть, что затеяла

эту спонтанную выходку.

Ну а чего ко мне прицепились?

И где вообще Михаил? Тоже мне, папаша. Даже не встретил дочь в фойе. Меньше было бы проблем.

Охранник охает, но выпрямляется. Покрасневший, злой.

Мгновение без слов затягивается, но мужчина едва улыбается прохладной улыбкой и приобнимает меня за талию.

— Здравствуй, дорогая. Что ж ты так долго, я уже ждался.

Ягодки мои, приглашаю в еще одну историю литмоба "Красная нить судьбы", в котором я участвую.

Ася Петрова "После развода. Ты мне не нужна"

<https://litnet.com/shrt/FywM>

Приятного чтения!

Глава 11: Нагловатая особа.

Глава 11.

Стеша.

— Здравствуй, дорогая. Что ж ты так долго, я уже заждался.

— Это не я, меня задержали, котик, — я тоже ему улыбаюсь, но в глаза боюсь смотреть. Даже голову к плечу склонила, чтобы только не смотреть на него.

Как бы он меня не прибил за этот спектакль!

— Извините, что потревожил. Ошибся. Работа такая, — буркает охранник, сверкает своими маленькими глазками.

То-то же. С мелкой девчонкой бороться не то же самое, что со здоровым мужиком. Сразу хвост поджал.

Но я не собираюсь тут мстью заниматься и конфликт длить. Я, вообще-то, тороплюсь.

— Извинения принимаются, — искусственно улыбаюсь.

— Все нормально, — кивает незнакомец. — Можете идти.

Охранник тоже кивает и, прихрамывая, удаляется по коридору. Как только его массивная прямоугольная туша скрывается на лестнице, я тут же выпрямляюсь, отклеиваюсь от мужчины, стираю тупую улыбку с лица и делаю шаг в сторону.

— Спасибо.

— Должны будете, — задумчиво тянет незнакомец, рассматривая меня своими глазами-сканерами с головы до пят. Особенно он задержался на кроссовках.

Я делаю вид, что не замечаю этого взгляда.

— За такую мелочь прям сразу долг? — хлопаю глазами невинно. — Вы же джентльмен и не станете напрягать даму?

— Стану. Такую даму не грех напрячь.

Я едва сдерживаю гримасу. Вот же умудрилась наткнуться на образчик...

— Ок, сочтемся, если жизнь так повернет и еще раз встретимся, — жму плечами, понимая, что лучше б не встречались! — Не подскажите, где тут конференц-зал? Не здание, а лабиринт какой-то.

Вместо слов он только руку поднимает в небрежном жесте и указывает большим пальцем дальше по коридору.

— Еще раз спасибо, — отрывисто киваю и стремительно несусь по указанному направлению.

Открываю дверь, вваливаюсь туда и останавливаюсь, чтобы осмотреться.

Зал длинный, изысканный и... пустой.

Я прохожусь вдоль стола из темной древесины. Стулья с резными спинками задвинуты. На самом столе стоят пять ваз с белыми лилиями. Эх, мне бы кто такие подарил...

Но сомневаюсь, что эти цветы для меня. Скорее всего, это «обычное» украшение этого зала. Ага, которое стоит как половина моей месячной зарплаты, скорее всего.

Стены в темно-синих дорогих обоях с золотыми вензелями, на паркетном полу лежат красные ковровые дорожки. В одном конце зала висит на стене телевизор, в другом конце зала стоит столик с выпивкой. А на одной из длинных стен висит пара зеркал в позолоченной раме.

Куда ж без золота...

— Наконец-то, — о! Все-таки непустой зал. Михаил поднимается из-за стола, поправляя пиджак. Я его из-за вазы не заметила сразу. — Где ты ходишь?

— Ну, я смотрю, не я одна опаздываю. Где эти твои Гроссы?

— Не «эти твои», а уважаемые Гроссы.

— Я их еще не знаю, чтобы уважать. И так как я здесь не последняя, еще пока и не за что их уважать.

— Ох и острый у тебя язык, — вздыхает Михаил, оглядывая меня с головы до ног. Морщится неприязненно. — Что это на тебе?

— Одежда.

— Я вижу, что одежда. Ты не могла нормально одеться? Я же тебе дал денег.

— Это и есть нормально. Что тебя не устраивает?

— Боже, — Михаил прикрывает глаза, вскидывая брови. Весь его вид транслирует мне приличную долю презрения. От этой реакции у меня в животе что-то обрывается от обиды, но я не подаю вид. — Сними хотя бы лифчик, не позорься. Ты же интеллигентная леди по легенде!

— Когда-нибудь я ей реально стану, а ты как был недоделанным торгашом, так им и останешься. Отвали, — огрызаюсь. — И вообще, как это интеллигентность с лифчиком коррелируется? Если так хочешь, сам снимай с себя лифчик.

— У меня его нет!

— А лучше бы был, — ехидно хмыкаю, тыкая в его торчащую грудь. Отнюдь не мощно накачанную. Обычные трясущиеся кусочки жира с сосками на вершине. — Фу.

Он оскорбленно отбивает мою ладонь.

— Ты как с отцом разговариваешь?

— Как заслужил. Забей уже. Что ты так напрягся?

— Может, потому что от такой, как ты, зависит мое будущее?

— Ну, кто ж виноват-то, что от такой, как я, зависит твое будущее, — я нагло улыбаюсь. — Сам затеял это все.

— Приведи себя в порядок, — кривит жирную гримасу на одутловатом лице. — Расческа у тебя с собой хотя бы есть? А то смотрю на тебя и словно вижу транспарант на твоём лице «только бы до вечера дотянуть».

— Ну, спасибо, папуля, — я оглядываюсь. Присматриваюсь к себе в зеркале.

Да уж...

Раскраснелась, идеально собранный хвост растрепался...

Вздыхаю, откладываю рюкзак и поправляю рубашку. Стаскиваю резинку. Руками взбиваю свои вредные локоны, придавая им пышности, и снова смотрю на себя в зеркало.

— Так-то лучше.

Я игнорирую его едкий комментарий, подмигиваю себе и разворачиваюсь, так как двери открываются и в зал заходит пара. И как только я увидела женщину, я сразу поняла, почему Михаил прокомментировал мою одежду как «Боже».

Что ж. Ладно. Беру свои слова назад.

Мой видок только так и можно прокомментировать. Потому что на ее фоне я реально проигрываю.

— Добрый день, Михаил, — басит мужчина, когда они подходят к нам ближе. Они разглядывают меня, а я, в свою очередь, во все глаза разглядываю их. — Знакомьтесь, моя супруга Анна Валерьяновна.

Это вот это мои будущие свекры?!

О БАЛ ДЕТЬ.

— Ну, здравствуй, детка. Рада, наконец, посмотреть на тебя вживую, — женщина томно улыбается мне, но я вижу в ее широкой улыбке нечто хищное и напрягаюсь. Меня несколько коробит это ее легкомысленное "детка". Как будто это слово чужеродное слишком. Она разглядывает меня словно сотрудник таможни. С этой женщиной надо держать ухо востро. — Ты, должно быть, Алина?

Сколько ж ей лет? Выглядит шикарно!

Темные каштановые волосы лежат идеальной волной на плечах, красивое надменное лицо с нюдовым макияжем. Руки с дорогим маникюром даже на вид нежные, несмотря на возраст. И ни одного пигментного пятнышка.

Из-под подола платья видны стройные ноги. Она реально модно одета. На ней какое-то чудовищно дорогущее, но стильное алое платье с дорогими при블удами.

И пахнет от нее очень... дорого. Да, пожалуй, этот запах у меня будет ассоциироваться именно с бабками. Не могу сказать, что он изысканный. Уж точно не для меня, но я сразу могу сказать, что за этот парфюм она заплатила сумму с четырьмя нолями как минимум...

Да чтоб я так выглядела в свои пятьдесят!

Ну или сколько ей там лет...

У нее даже ноги стройные не по возрасту. Наверняка занимается фитнесом и ходит на массаж.

— Да, я Алина. Здравствуйте, — ошалело киваю, но беру себя в руки, тяну улыбку и руку. Она легонько жмет мои пальцы.

Да, кожа у нее реально нежная. Мне даже становится немного стыдно за свои скромно обрезанные ногти и обветренные костяшки. Ну, да, да, не пошла я на маникюр! Эти деньги я отдала Боре, чтоб холодильник починил...

Черт. Надо было лучше на маникюр сходить.

Я прячу руки за спиной, все-таки отрываю взгляд от Анны Валерьяновны и тяжело перекидываю его на ее супруга.

Михаил с ним закончил как раз обмениваться рукопожатиями и какими-то стандартными расшаркиваниями альфа-самцов. И Михаил наконец-то приходит мне на помощь.

— Алина, это Владимир, про которого я тебе рассказы-

вал. Владимир, это моя дочь Алина. Прошу только любить. Жаловать не надо, — в конце он смеется, тяжело растягивая свои широкие губы и собирая подбородок в гармошку.

Я борюсь с желанием закатить глаза, но вот язвительное замечание не успеваю притормозить.

— Жаловать означает относиться с вниманием, пап. Я бы хотела, чтоб ко мне отнеслись с вниманием, — тяну ехидную улыбку, а потом смотрю на Владимира. — А любовь оставим другим. Мы же здесь не для любви собрались, верно?

Владимир тянет правый уголок губ вверх, одобрительно глядя на меня сверху вниз.

— Сразу видно деловой подход. Уважаю, — он кивает.

— Да, не люблю тянуть кота за яйца...

— Алина, — Михаил шипит на меня, но я его игнорирую.

— ... Поэтому я удивлена. Где же мой жених? Что-то я не вижу основного претендента на мою руку.

— Она мне уже нравится, — мягким грудным голосом тянет Анна Валерьяновна. — Думаю, она станет отличной партией Ярику.

И эта великолепная женщина кидает хитрый взгляд темных глаз на своего мужа. Тот ей отвечает тем же.

— Время покажет.

— Полностью с вами согласен, — кивает Михаил. — Но и с дочерью я не могу не согласиться. Где же Ярослав?

— Я думала, что он уже давно здесь, — Анна чуть шире приоткрывает свои глаза, наигранно удивляясь. Она даже не

скрывает своей дрянной актерской игры, прикладывая руку к груди.

— Без понятия. Он все время торчит в компании. С утра до ночи. Возможно, его задержали в офисе, но он обещал быть вовремя.

— Меня действительно задержали, — раздается из-за спин Владимира и Анны. Они разворачиваются, и я могу видеть того, кто тихо зашел к нам в зал. Я не могу сдержать молчаливого удивления. Чувствую, как лицо предательски вытягивается.

Я его знаю!

Это же тот самый мужчина, что жутко походит на мафиози. И у него в руках мой пуховик... Черт, я же его обронила и совсем позабыла о нем...

— Кто же мог тебя задержать?

— Одна нагловатая особа, — без особых эмоций этот тип кривит губы в намеке на улыбку, а сам меня пронзает своими черными глазищами. Он встает между своих родителей, возвышаясь над ними обоими. Отца он выше аж на полголовы. Мне приходится опять задрать голову, чтобы взглянуть ему в лицо. — Но это лишь небольшая случайность. Я уже разобрался в ситуации. Рад знакомству, Алина. Ярослав, — и он тянет ко мне свою руку, которую я совсем недавно сжимала в объятиях.

Капец.

Я попала.

Глава 12: Неограненный алмаз.

Ярослав.

День, как обычно, расписан по минутам. Встречи, звонки, согласования — рутина, от которой зависит стабильность корпорации.

Только этот день все же отличается от других. Я слушаю, если скажу, что родительское решение женить меня на какой-то незнакомой мне девице, не тронуло струн моей души.

Еще как тронуло.

Предки сыграли на них дьявольскую польку. Какого черта? Сначала, не спрашивая, меня ставят руководить компанией, потому что отец, видите ли, устал и хочет отдохнуть. Окей, это еще могу понять. Потом, не спрашивая, он назначает меня генеральным директором уже не временно, а постоянно.

Теперь, опять же, не спрашивая, он на пару с матерью решает меня женить.

Я откидываюсь на стуле, рассматривая фотографии моей будущей жены.

Я вроде взрослый мужик, проблемы решать умею, руковожу не только своей жизнью, но и жизнью нескольких сотен сотрудников нашей компании... Но смотри, Ярик... Так ли ты уверен в том, что сам руководишь своей жизнью?

В груди ворочается здоровая туша недовольства, ворчит, изворачивается, давит на сердце. Ненавижу подчиняться. Не хочу я жениться ради всеобщего блага на какой-то незнакомке. Пусть даже и смазливой на мордашку.

Вот же парадокс.

Я гендиректор крупной компании, а принять свое решение не могу! Не имею права, если точнее. Бред какой-то. Как я докатился до такого?

Сжимаю переносицу пальцами.

Пожалуй, это конец. Хватит с меня. Мне здесь давно не место. Приду на эту встречу, извинюсь перед этой...

Кто она там?

Смотрю в досье этой девушки.

Алина Киньшева, двадцать семь лет, по образованию ландшафтный дизайнер. Как креативно...

И где отец только откопал этих Киньшевых? Чего он только не придумает ради процветания компании.

Так вот... Извинюсь перед ней, перед родителями, но откажусь от этой затеи. А потом уволюсь к черту и создам свою компанию. Давно хотел. Уж что-что, а создавать я умею. И руководить тоже.

Отцу это не понравится, конечно, но я реально задолбался жить чужой жизнью и чужими идеями. Семья — это замечательно, но мне пора уже свою создать, а не жить планами отца.

Ради этого я даже раньше приехал — с таким воодушевле-

нием катил на эту встречу, что приехал раньше всех. И чтоб не торчать в этом пафосном зале для конференций, свалил в маленький тайный закуток, из которого отлично этот самый зал просматривался. Аккурат через особое зеркало-шпиона.

С той стороны — обычное зеркало, а с этой — окно, через которое можно все видеть.

Так я спокойно смог понаблюдать за этим ушлым Михаилом. В целом, он спокойно себя вел наедине с собой. Никаких подозрительных звонков и поведения.

Обычное волнение — на часы постоянно смотрел. Ну да. Опаздывали, получается, все.

И мои предки. И эта Алина...

Мать звонит мне, и я беру трубку.

— Ярик, солнышко, мы опаздываем. Тут небольшая пробка. Ты уже на месте?

— Почти.

— Отлично. Тогда увидимся там.

Я слышу какую-то перебранку, звуки усиливаются, и тут дверь распахивается. Тишину разрушает резкий, почти оглушительный удар, с которым распахнутая дверь шарахается о стену.

В проеме в руках охранника барахтается девчонка. И если б не ее голос, я б реально подумал, что ей нужна помощь.

Только, судя по всему, помощь нужна была именно охраннику, потому что он не в состоянии справиться с ситуацией. Я выглядываю из своего маленького укрытия и невольно

сдерживаю удивление.

Это же та самая Алина. Моя будущая типа жена.

Меня невольно раскрыли.

Только вот если правильно понимаю, она меня не узнает. Странно. Неужели ей не показывали моих фотографий? Михаил настолько не подготовил свою дочь?

Очень странно...

— Привет, милый, — бросает она, и ее слова звучат как удар грома в идеально выстроенной тишине моего мира.

Или все же подготовил?

Ни черта не понимаю. И...

Я смотрю в ее глаза. Она ожидает отпора, наказания или проблем. Я вижу это в ее мимолетном испуге. Но я всегда ценю умение контролировать ситуацию и импровизацию.

А она интересно выкрутилась за мой счет. Но этот инцидент требует не гнева, а быстрой, точной реакции.

Девушка растрепанная, покрасневшаяся, с горящим взглядом и выглядит как стихийное бедствие. Из нее буквально кричащим фонтаном бьют эмоции — ярость, отчаяние и вызов, смешанные с чем-то диким и необузданным.

Боже, какая же всратая на ней одежда, особенно эти кроссовки, но... С прохладной улыбкой я приобнимаю ее за талию.

— Здравствуй, дорогая. Что ж ты так долго, я уже заждался, — слова слетают с губ легко. Словно я каждый день ей это говорю.

Она чуть дергается, но не отстраняется.

Мне уже нравится эта игра. Решаю подыграть чисто в моменте, не планируя вообще такого поворота. Она так прижимается ко мне, что я тут же понимаю, что уже не так уверен в своем решении отказаться от этого брака.

Она выглядит так, будто только что приехала из какого-нибудь офиса. Но не будет же дочь какого-то там бандита работать в офисе, верно? Илья мне накопал, что она вообще не работает и только и делает, что по клубам шастает.

Только что-то не клеится...

Вырывается эта барышня из всех моих шаблонов. Точнее, наоборот, врывается в планы. С ноги.

В прямом смысле.

Лисий прищур темных глаз, мягких изгиб губ. Я вижу тонкие ключицы в небольшом вырезе ее рубашки и едва могу оторвать взгляд от этой светлой кожи. А еще я чую... ростокрышесносный запах...

Я чувствую, как от ее разгоряченного тела жар валит, и у меня самого в груди тепло разгорается.

Она благодарит меня.

Что ж...

— Должны будете.

— За такую мелочь прям сразу долг? Вы же джентльмен и не станете напрягать даму?

— Стану. Такую даму не грех напрячь.

Я вижу, как она сдерживает свою негативную реакцию. Ты

на кого губы кривишь, деточка?

— Ок, сочтемся, если жизнь так повернет, и еще раз встретимся. Не подскажите, где тут конференц-зал? Не здание, а лабиринт какой-то, — она даже не обращает внимания меня толком.

Ох, девочка, ты даже не представляешь, как скоро жизнь провернет этот фокус. Вот удивись.

Она снова благодарит и сбегает от меня со скоростью торпеды. Даже обидно. Обычно женщины теряются или смущаются от моего внимания, или, наоборот, пытаются его привлечь. А эта — вообще ноль. Летит куда-то.

Ну... хотя, чего это я?

Она ж на встречу со мной летит. Было бы обидно, если б она с первым встречным стала флиртовать. Что ж... Хотя бы в ее целеустремленности не сто́ит сомневаться. На счет верности пока не буду зарекаться.

Я возвращаюсь в свое убежище и подхожу к особому зеркалу, с интересом ожидая эту фурию. Это все определенно стоило того, чтобы сюда ехать. Диалог Михаила с Алиной многое сказал мне о них. Как минимум то, что они не в самых лучших отношениях.

Но она все равно здесь и все равно согласилась на этот брак...

Что же тобой движет, маленькая фурия? Хм... Она не производит впечатления человека, которого можно заставить делать что-то против воли. Обычно, я не ошибаюсь в

своём первом впечатлении. Есть в ней что-то, что невозможно игнорировать. Цепляет, словно заноза в идеальной поверхности стола. И эта злая ирония, без прикрас сквозящая в ее словах...

Эти эмоции, которые она даже не пытается скрыть — это все для меня как глоток чистого кислорода. Даже голова немного закружилась.

Это что вообще такое, Яр?

Серьезно?

Когда это ты на баб стал так реагировать?

...И тут она распускает волосы.

Не мигая, я смотрю за тем, как она небрежным движением стягивает эту дурацкую резинку для волос.

Не отрываясь, я наблюдаю за тем, как она смотрит прямо на меня в зеркало, но, конечно, даже не подозревает о моем здесь нахождении.

Непослушные мягкие кудри рассыпаются по лопаткам, и она еще эту копну руками как-то так интересно взъерошивает. Так только женщины умеют.

Я не могу сказать, что она столь же роскошна, как моя мать. Я вообще сомневаюсь, что она тратит отцовские бабки на свою внешность... Она самая обычная.

Но.

НО.

Далеко не простая.

В ее движениях уместается целый мир. Настоящий, гру-

бый, жесткий. Ее движения отрывистые, словно она с трудом сдерживает бушующую в ней энергию. И нежные — столько женственности в них и какой-то изящной женской силы, словно дорогое шампанское играет в ее венах.

Она как не ограненный алмаз...

Черт.

Интересно было бы заполучить эту барышню себе в коллекцию.

Глава 13: Что-то не так.

Ярослав

Настоящее время

«Что еще за Степанида Войдас?»

Этот вопрос, как старая заевшая пластинка крутится и крутится у меня в голове.

С ним я ушел от Ильи, с ним я вернулся в дом, с ним я смотрел на Алину и пытался понять...

Какого хрена здесь вообще происходит?!

Разумеется, никакого разговора у меня с моей женой не произошло. И не потому, что я до такой степени охренел, что не захотел с ней разбираться, а потому что Алина уже спала.

Спала.

Да...

Она легла спать.

Отличный ход, дорогая жена.

Если это вообще моя жена. Потому что я уже сомневаюсь в этом. Вы простите, но я же не конченный идиот. Я что, похож на конченного? Или на тупого?

Вроде нет. Тридцать пять лет как-то все считали меня сообразительным. Да и я сам тоже. А тут кто-то настойчиво пытается делать из меня дурака.

И.

Это.

Мне.

Не нравится!

Стою в изножье кровати, смотрю, как на нашем семейном ложе спит... кто-то. Женщина. Какая-то женщина. Я уже на девяносто девять процентов уверен, что это не та женщина, с которой я прожил год и на которой женился.

Но...

Я понятия не имею, кто это, блядь, такая!

Волосы те, черты лица те... Если не приглядываться. Я, конечно, признаюсь, был не особо внимательным к жене, но даже я не настолько слеп, чтоб не заметить различия и лишнюю пару кило. Или даже три-четыре.

Или она за неделю так поправилась? Уезжала отъедаться, что ли? Что за бред?

Стою и трясусь.

Не от страха, а от дичайшей степени бешенства. У меня сейчас внутри кипит такая злоба, что на загривке волосы дыбом встали и мышцы то и дело дергаются.

Вот эта самая женщина, что спит сейчас в моей постели, выдает себя за мою жену. Типа она жила со мной. Но кто она? Алина? Степанида?

Как мне к ней обращаться?

И надо ли вообще?

Если она левая баба, то... Что мне с ней делать? Как в

таких ситуациях вообще люди поступают? И на кой черт это все было затеяно?

Я не понимаю!

Кулаки сжимаются сами собой. Я понимаю, что не дышу вот уже больше минуты. Я буквально заставляю себя выдохнуть ядовитый воздух, смешанный вместе негодованием, а потом сделать шаг назад.

И еще шаг.

И еще...

Надо успокоиться.

И разобраться...

Я слетаю по лестнице и несусь в зал. Без разминки, без подходов, без переодеваний. Прямо так: в рубашке и брюках я налетаю на грушу и с остервенением начинаю ее колошматить. Вбиваю кулаки в жесткий материал снаряда, ощущая, как кожу саднит и жжет.

Удары не точные, не взвешенные, косые, потому что энергия гнева распирает... Я просто херачу изо всей силы, прямо удар за ударом. На едином потоке в каком-то злом исступлении.

Я выплескиваю свое бешенство, чтобы не дай бог ненароком кого-нибудь не прибить.

Кто бы ни лежал наверху, Михаил ее знает. В этом всем замешан именно он. Только понять не могу, имеет он отношение к тем фоткам с годовщины или нет. Если имеет, то нахрена был весь этот спектакль?

Если Алина... Или Степанида!

Если Степанида НАСТОЛЬКО не хотела со мной жить, то тогда просто бы сказала! Нет же, мне в лицо говорились нежности! А на деле?

То есть она просто сбежала от меня?

И Михаил ей в этом помог без какой-либо выгоды для себя?

То есть это все было затеяно чисто жену подменить?

У меня же ни развода не требуют, ни денег, ни хрена! В чем прикол?

И главный вопрос — куда делась та, что жила со мной весь этот год? Куда делась моя ЖЕНА?!

Что бы они ни задумывали, они охренеть, как просчитались са-а-амую малость... Я не слепой. И не собираюсь с этим мириться.

Я, может, и переспал с той эскортницей, но я не собираюсь терпеть подобную ложь. Пусть скажет мне все в лицо, если ее что-то не устраивает.

Выбиваю всю дурь из себя до такой степени, что руки дрожат и на ногах еле стою. В груди печет, на корне языка привкус железа...

Вот теперь можно заняться делами.

Быстро переодеваюсь, в этот раз не трачу время на душ. Сначала звоню Илье и прошу его копнуть поглубже насчет Михаила. Очевидно, у него в прошлом завалилось целых две дочери.

Либо!

Либо он подготовил какую-то девчонку, сделал ей пластические операции, чтобы подложить под меня сразу двоих... Чтобы заменить одну на другую. Зачем? Чтобы что? Может, чтоб наследника заделать? Непонятно...

Вот и надо выяснить.

А пока делаю вид, что повелся на эту хрень. Улыбаемся и машем, ублюдки. Я выведу вас на чистую воду.

Я не сплю со своей «женой» в одной постели. Полночи просматриваю те документы, которые мне привез Илья. Я изучаю каждую строчку гребаной справки, каждый пиксель распечатанных фотографий...

И надолго зависаю над сканом паспорта.

Степанида Александровна Войдас.

Ты кто такая?

С утра подрываюсь от звука голоса. Чужого голоса. Не моей жены. А той, что выдает себя за нее. Она уже проснулась и что-то требует на кухне от Нины. Хмуро поднимаюсь с дивана, тру лицо, ощущая, как все тело затекло от такого сна.

Но все же встаю рывком, прячу папку и иду на голоса, прислушиваюсь по пути.

— Я всего лишь хочу начать с чистого листа, Нина. Что тут такого? Это было травмирующее событие. Мы переживем это с Яром, и все будет хорошо. Но для этого нужно время и силы... Я всего лишь прошу вас переделать комнату и сделать в ней нормальный гардероб. Я что прошу многого?

Я же не весь дом прошу переделать. Только гардероб. Вы же видели этот шкаф? Это гроб какой-то, а не шкаф...

Я захожу на кухню и застаю картину: Нина сидит за столом, пьет свою утреннюю чашечку кофе, как всегда, и разбирается со счетами и списком дел на сегодня. А рядом с ней стоит... Она.

Как мне ее называть-то хоть?

Наверно это все же Алина. Пусть будет так. А то я точно с ума сойду.

— Доброе утро, дорогой, — прохладно отзывается Алина.
— Рада, что ты проснулся. Поговорим?

Нина смотрит на меня странным взглядом. Потом смотрит на Алину и утыкается в счета с видом «это не мое дело». Потом еще с ней перекинусь парой слов. Узнаю, что она думает о новой «Алине». А пока...

— Не сейчас. У меня много дел.

Алина хмурит свои брови, которые, впрочем, реально не отличаются от ее прежних бровей. А вот глаза отличаются. Я слишком часто в них смотрел, чтобы сейчас перепутать. Да, они у обеих темные.

Но у моей Алины глаза с шоколадными крапинками по краю радужки. А у этой нет.

Я даже реакцию ее не хочу видеть и слышать. Просто забираю документы и уезжаю. У меня есть место, в которое я хочу наведаться с неистовым желанием. Прямо сейчас!

Я еду в Вербино. Дорога не занимает много времени. Да и

по картам я быстро нахожу адрес по прописке. Паркуюсь за пару домов так, чтобы видеть окна и вход. Забор несколько мешает, но все же обзор есть.

Я останавливаюсь и замираю, вцепившись в руль. У меня дикое желание влететь в этот дом прямо сейчас, но я торможу себя. Я хоть и выбил всю дурь из себя ночью, но все равно боюсь, что не сдержусь и натворю дел.

А сейчас я как никогда должен быть осторожен. Мало того что я еще не знаю, что происходит, так еще и не знаю, тот ли это дом. А вдруг не тот?

Может, моя настоящая жена не живет по месту прописки?

Я настораживаюсь, когда дверь открывается и из нее кто-то выходит. Издалека непонятно. Но это точно женщина и ребенок. И судя по силуэтам, это та самая женщина и ребенок с видео из больницы.

Они закрывают дом, спускаются по деревянному крыльцу и выходят за ворота. Закрывают калитку и степенно двигаются по дороге.

Слава богу, что не в мою сторону. Как только они доходят до поворота, я завожу двигатель и двигаюсь за ними.

Из меня, конечно, тот еще шпион, но мне везет. Я остаюсь незамеченным, хоть и еду как кретин. Дожидаюсь, пока они свернут на перекрестке, и тогда только еду за ними. Потому что, мне кажется, медленно двигающаяся тачка за женщиной с ребенком куда больше привлекает внимание, чем мои странные телодвижения.

Благо, что улицы в этом поселке довольно пустынны, с большими сугробами у домов. Есть где спрятаться и никому нет до тебя дела.

Таким образом, я докатываюсь до больницы. Той самой, из которой Илья добыл видео и скан документов этой самой «Степаниды». Она с ребенком скрывается в здании, а я паркуюсь напротив, недалеко от входа. Чтобы видеть ее, когда выйдет...

Степанида...

То есть... ту самую женщину, что сейчас шла с ребенком по дороге, зовут именно так. То есть... Мою женщину зовут Степанида?

Видимо, так. Потому что это именно она! Моя жена. Моя женщина.

Ее походку я сразу узнаю. Даже в этом нелепом дутом пуховике, нелепой шапке с помпоном и спортивных зимних штанах, что наверняка шуршат на морозе.

Это она.

Даже со спины ее узнаю!

Только опять же... ничего не понимаю.

Она здесь живет? Почему? С какого перепуга? Как давно? Что за ребенок? Это ее ребенок? Как она умудрилась его скрыть от меня?

И да... Я понял, что это тупо две близняшки.

Неужели я нарвался на каких-то брачных аферистов?

Точнее, нарвался отец, а крайний все равно остался я!

Я успеваю накрутить себя до злобной дрожи в пальцах. Опять. Вот как в таком состоянии что-то выяснять?

Но надо... Я не собираюсь и дальше жить в неведении.

Я жду чуть больше часа. И спокойствия мне это не добавляет. Вот же фокус! Всю жизнь славился своей хладнокровностью, а с появлением этой женщины в моей жизни, только и делаю, что ярюсь!

Она как будто специально ниспослана испытать мои нервы на прочность.

И когда ее силуэт показывается на крыльце больницы, я тут же молниеносным движением вырубаю двигатель и вытаскиваю ключи из зажигания.

И...

Замираю, всматриваюсь в ее фигуру, пытаюсь утихомирить свое сердцебиение, ускоренное адреналином.

Что-то не так.

Она ревет. Тормознула у выхода и стоит, ревет. На улице холод, а она ревет. Ну, какого черта?! Зашла бы внутрь и там ревела!

Ребенок еще тоже стоит на морозе, ждет ее, за штанину дергает вопросительно.

Она присаживается к нему.

Ну, я так думаю сначала, а потом кидаюсь вон из машины, потому что до меня быстро доходит: она не присаживается. Она заваливается прямо под дверь этой чертовой больницы и попытки встать так и не предпринимает.

Вообще не шевелится!

Ягоды мои сладкие, приветствую! Спасибо вам огромное, что читаете и комментируете. Это очень приятно, и я ценю ваше внимание.

Со следующей главы открывается подписка в честь дня электронной книги))) Очень надеюсь, что мне удалось создать для вас интересную историю и мы увидимся с вами в следующих продажах.

Так же, внимание! Предупреждаю вас заранее, что после открытия подписки, график прод изменится на *"день через день"*, у меня для этого есть веская причина, связанная с правилами площадки) Вы уже могли заметить, что я дважды пыталась перейти на этот график, но он мне не очень нравится, поэтому я возвращалась к каждодневной выкладке, но теперь... Увы, все-таки придется.

Поставьте, пожалуйста, звездочку, если история вам понравилась. Подписывайтесь, чтобы не пропустить проды и не потеряться. Если есть какие-то вопросы, вы всегда можете задать их в комментариях или моем телеграм-канале, ссылку на который вы сможете найти во вкладке "обо мне".

По классике, впереди нас ждут эмоциональные главы, ответы на вопросы и, конечно, хэппи энд для тех, кто его действительно заслужил.

Обняла, приподняла:*

Увидимся на страницах истории ♥# (и в комментариях)

Глава 14: Новости от врача.

Стеша

Прошла всего неделя, как я вернулась домой, а ощущения такие, будто я прошла афганскую войну. Как же я все-таки отвыкла от своего «обычного» мира.

До сих пор свежи в голове воспоминания, как я подорвалась с утра от звука чего-то разбившегося на следующий день после годовщины. Я даже не сразу поняла, где я. Рядом на подушку пускала слюни Лика. До будильника оставалось всего две минуты.

Привычка просыпаться в тишине, комфорте и на большой, мягкой кровати дома Гросса теперь казалась далекой роскошью. Мечтой.

К хорошему быстро привыкаешь...

— Вставай, соня, тут, похоже, война началась... — пробормотала я, уже на автомате подхватывая с пола рубашку и брюки.

Я спустилась на кухню, где

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.